

Уральский государственный университет
им. А. М. Горького

СЛОВО В ТРАДИЦИОННОЙ И СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

Тезисы межвузовской конференции
молодых ученых

Екатеринбург, 11 мая 2007 г.

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2007

ББК Ш 10я43
С 483

Слово в традиционной и современной культуре: Тезисы межвуз. конф. молодых ученых. Екатеринбург, 11 мая 2007 г. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2007. – 52 с.

ISBN 978–5–7525–1719–2

ББК Ш 10я43
С 483

ISBN 978–5–7525–1719–2

© Издательство Уральского
университета, 2007
© Коллектив авторов

Синтаксические средства создания современного рекламного текста

«На сегодняшний день реклама представляет собой интереснейшее явление, нуждающееся в анализе и изучении. Возникли тысячи рекламных агентств, в рекламной индустрии работают свыше 200 тыс. человек», – отмечает И. А. Стернин в работе «Практическая риторика»¹. Цель рекламы – повлиять на потребителей, убедить их в правоте сказанного. Для того чтобы достичь данной цели – построить наиболее убедительный и запоминающийся слоган, создатели рекламы пользуются определенными приемами и правилами, описанными в работах Н. Н. Кохтева, Ф. И. Шаркова, А. А. Родионова и др. По их мнению, рекламный текст должен обладать следующими признаками: краткость, конкретность, простота, эмоциональность, выразительность, понятность, активизация внимания читателя. Рассмотрим основные средства, которые используются в рекламных текстах с этой целью.

Вопросно-ответная форма. В таком тексте автор как бы предугадывает вопросы читателя и выносит их в рекламный слоган, тем самым привлекая внимание читателей, а затем предлагает ответ. Это стимулирующий прием, побуждающий читателя к активному действию – приобретению товара. Вопросно-ответная форма может быть подана различными способами:

1) в ответной части содержится конкретное название товара: *Как набрать очки перед любимыми? Салон оптики «Контраст»; Боль? Спазмы? Ревалгин...*;

2) в ответной части товар не назван, но опосредованно обозначен: *Устал грести? Ставь парус* (Компьютерные программы «Парус»); *А сколько видов хлеба знаете вы? Она все равно знает больше.* (Мини-хлебопекарня «Panasonic»);

3) слоганы, в которых предлагается только вопрос, интригующий читателя, а ответ на него будет в следующем слогане в рамках продолжающейся рекламной кампании. *Что такое молл?* – некоторое время назад плакаты с таким слоганом висели на улицах нашего города без каких-либо разъяснений. Позже было объяснено, что *молл* – это «Парк-хаус», т. е. крупный торговый комплекс, в павильонах которого осуществляется масштабная торговля потребительскими товарами.

---

¹ Стернин И. А. Практическая риторика. М., 2003. С. 6.

Вопросно-ответная форма используется для создания рекламного диалога, имитации разговорной речи, сосредоточения внимания читателей на важном положении. Доходчивость, выразительность, большая сила воздействия на читателя, оживление повествования характерны для слогана в данной форме.

Восклицательные предложения играют в тексте роль своеобразных сигналов, призывов к действию, а также придают тексту дополнительную эмоциональную окраску: *Приятные сюрпризы для всех!!!!* (Салон очков «Новая оптика»); *Увидимся на тренировке!* (Фитнесс-центр «Realfit»); *Новый вкус! Даниссимо киви!!!* (Йогурт «Даниссимо»).

В таких предложениях часто используются пунктуационные (обычно восклицательные) знаки, количество которых не всегда соответствует пунктуационным правилам (например, их может быть 4). В некоторых случаях такие знаки могут заменять собой лексические единицы эмоционального характера: *Ассортимент шире, а цены ниже! Более 100 моделей! Распродажа зимних моделей, которые !!! От 800 р.! Мы рады вас обслужить!* (Центр обуви «Скарпа-Сток»). Еще одним знаком препинания, широко используемым в рекламе является многоточие: *Пятнистые и полосатые наступают...* (Магазин одежды «Меховщик»); *Однажды...* (Пиво «Grolch»), *Смелее...* (Вермут «Campari»), – свидетельствующее об открытости, умолчании, недосказанности подобного рода предложений.

Побудительные конструкции выражают предложение, призыв, приглашение, совет, разъяснение, убеждение и т. д. Они придают живость и эмоциональность высказыванию, передают непосредственность разговорной речи: *Отдай последнюю рубашку... и купи новую в фирменном магазине «Savage»* (Магазин одежды «Savage»); *Отдайся шопингу!* (ТЦ «Мега»).

Парцеллированные конструкции. Парцелляция – это такое членение предложения, при котором содержание высказывания реализуется не в одной, а в двух или нескольких интонационно-смысловых речевых единицах, следующих одна за другой после разделительной паузы. Происходит деление простого или сложного предложения на более короткие самостоятельные отрезки. Этот стилистический прием усиливает смысловые и экспрессивные оттенки значений, повышает воспринимаемость фразы. Парцеллироваться могут различные отрезки предложений: а) члены простого предложения: *Время влюбляться. В Volvo.* (Автомобиль «Volvo»); *Любовь начинается прямо сейчас. Сегодня. С новыми духами Today.* (Духи фирмы «Avon»); б) части сложного предложения (чаще всего используются придаточные со значением причины, условия, времени, цели, что объясняется задачами создателей рекламы): *Если вещи твои сны* (Магазин фирменной одежды «Finn Flare»); *Барс. Когда нравится!* (Магазин зимней одежды

«Барс»); *Чтобы кожа малыша была здоровой* (Подгузники «Huggis»); в) элементы осложненного простого предложения, например обособленные конструкции: *Потрясающе тающий. Nestle aero.* (Шоколад «Nestle»); *Повернутый на музыке.* (Сотовый телефон «Nokia 3250»).

Чаще всего названные в работе средства используются в рекламных текстах комплексно: *Тебя выбирают? Ты выбираешь! Мягкое отшелушивание для сияющей красоты Вашей кожи!* (Бритвенный компакт для женщин «Venus»). В данном рекламном слогане используется вопросно-ответная форма в сочетании с восклицательным предложением и парцелляцией.

Имитация разговорной речи – характерный признак современных рекламных текстов. Эффект разговорности создается за счет широкого использования конструкций, включающих формы именительного падежа (*Глубокие морщины. Теперь их можно разгладить изнутри*), инфинитива (*Жить – значит отдыхать!* (Казино «Золотой телец»)), неполных предложений (*Весь мир у ваших ног!*), различных типов односоставных предложений: номинативных *Элегантность, комфорт, безмятежность...*; определенно-личных *Утепляем дома. Красиво! Практично!*; *Отвыкайте болеть!* («Иммунал»); безличных *Сделано с умом* (Электролюкс); *Дешевле некуда* (Магазин «Новомосковский»); *Смешивать можно* (Ночной клуб «Паркинг») и др.

Наблюдения над синтаксическими конструкциями в современных рекламных текстах позволяют сделать вывод о том, что особенности синтаксиса рекламы обусловлены ее основной функцией – стремлением воздействовать на потребителя, доказать ему необходимость следовать ее советам. Одним из средств повышения воздействия, помимо особого строя рекламного синтаксиса, является имитация разговорной речи. Разговорные конструкции используются для создания эмоционально-экспрессивной окраски, образности, понятности и действенности рекламного текста, который предназначен для массового читателя, а потому должен быть близок и понятен ему.

И. С. Архипенкова

Пермский государственный
университет

Этимология слов русского языка с корнем бус-

На данный момент в русских диалектах зафиксировано 162 лексемы, производные от корня *бус-*, например: *бус, бусовик, бусенец, бусёха, бусый, бусить, бусеть* и др. Вопросом происхождения данного корня занимались многие исследователи русского языка (А. Е. Аникин, В. И. Лыткин, А. Г. Преображенский, Э. В. Севортян, М. Фасмер и др.),

но единого мнения в решении проблемы этимологии корня *бус-* нет. Цель нашего исследования – свести воедино данные этимологических и диалектных словарей и на основе их определить этимологию корня *бус-*.

По данным «Опыта сравнения ностратических языков» В. М. Иллича-Свитыча, в картвельских, уральских и алтайских языках существует значение, объединявшее многие слова с современным корнем *бус-*: ‘мести пыль с земли’ > ‘пыль’, а также добавочные значения ‘мел’, ‘известняк’, ‘серый’, ‘бурый’, ‘пар’.

В тюркских языках обнаруживаются следующие лексемы с фонетическими чередованиями: *bus, buz, bos, boz, pus, pos, bor, bur* со значениями ‘бурий’, ‘серый’ (по отношению к масти животных), ‘пыль’, ‘мел’, ‘туман’, ‘пар’, ‘изморось’. Э. В. Севортян рассматривает их в качестве фонетических параллелей одной лексической основы, из которой в дальнейшем для формального разграничения значений ‘мел’, ‘серый’, ‘пыль’ выделилось три самостоятельных лексемы с последующим их развитием.

В индоевропейских языках зафиксированы лексемы, принадлежащие только семантическому центру ‘цветообозначение’. Например, др.-англ. *bera* ‘медведь бурий’, лит. *beras* ‘пепельный’, польск. *busiel, busko, busek*, укр. *бусель, бусько* ‘аист’. В санскрите же для корня **bi-* характерны те же значения, что и в словах тюркских языков. Существует много точек зрения относительно толкования значения прилагательного *босый* (волк) в «Слове о полку Игореве». По мнению В. Макушева, В. А. Радлова, М. Фасмера и А. Г. Преображенского, данное слово совмещает в себе два значения – ‘белый’ и ‘серый’, что свидетельствует о восхождении их к единой праформе.

В русском языке XVII в. слово *бус* имеет значение ‘пыль, чернота’.

В современных русских народных говорах корень *бус-* представлен четырьмя основными тематическими группами: ‘цветообозначение’, ‘пыль’, ‘мучная пыль’, ‘водяная пыль’ (см. таблицу на след. стр.).

Корень *бус-* в своих вариациях больше всего представлен в севернорусских и пермских говорах (64 % всей картотеки), связанных генетически. В пермских говорах слова с данным корнем преобладают в северных районах, исторически и географически связанных с финно-угорскими языками. Это позволяет сделать вывод о том, что в русский язык корень *бус-* попал из какого-то финно-угорского языка, что подтверждают и лексемы, обнаруживаемые в языке коми – *бус* ‘пыль’, ‘порошок’ – и удмуртском – *бус* ‘пыль’, ‘туман’, – исторически связанные с тюркским *bus* ‘пыль’ (< * *bhu-/phu-/bu-/pu-* ‘мести пыль с земли’).

Русский язык, в свою очередь, повлиял на состав финно-угорских языков. Так, В. И. Лыткин и Е. С. Гуляев рассматривают коми *буситны* ‘моросить’ как обратное заимствование рус. *бусить* ‘моросить’.

[illegible]

О принципах составления словаря русских народных хрононимов

Развитие различных областей современной ономастики невозможно без ономастической лексикографии, которая позволяет представить фактический материал в удобной и обозримой форме, какой и является словарь. До сих пор применительно к русскому языку нет опыта полидиалектной лексикографической интерпретации хрононимов, поэтому необходима разработка принципов составления соответствующего словаря. Хрононимы в нашем понимании – имена собственные непродолжительных отрезков и точек календарного времени в годовом цикле (особо отмеченных дней, праздников, канунов, постов, мясоедов и т. д.). Хрононимы относятся к лексике духовной культуры, поэтому в предполагаемом словаре должна быть отражена этнолингвистическая информация. Лексикографический анализ целесообразно проводить на базе диалектного материала, поскольку диалектные хрононимы являются частью славянского народного календаря и отражают традиционные представления о времени.

Предлагаемый нами словарь по охвату лексики будет политерриториальным и дифференциальным. В словник включаются русские народные хрононимы (например, *Никѣта Вѣшній* ‘3 апреля по ст. ст., День преподобного Никиты’) и единицы отхрононимического происхождения. К последним относятся факты семантико-словообразовательной деривации на базе хрононимов (*пони́ко́лѣть* ‘отпраздновать Николин день’, *афанáсий-ломонóс* ‘название морозов, бывающих в День святого Афанасия, 18 января по ст. ст.’), а также фразеологические сочетания с участием хрононимов (*Вербница свернется* ‘о перемене погоды с Вербной недели’).

По способу подачи материала данный словарь планируется как толково-идеографический. В первой части словаря принцип расположения календарной лексики алфавитный со слабым гнездованием. Словарная статья будет состоять из двух зон: в первой зоне в качестве заглавного слова будет дан хрононим с его грамматическими пометами, толкованием, иллюстрациями и т. д.; во второй, факультативной зоне – дериваты с толкованиями, иллюстрациями в алфавитном порядке: *Богоявлѣние*. 6 января по ст. ст., Святое Богоявление. Тамб. [НПНТ, 21²]. • *Богоявлѣнская вода*.

---

² НПНТ – Народное православие на Тамбовщине / Сост. С. Ю. Дубровина. Тамбов, 2001.

Вода, освященная в Крещение. [Даль, 1, 106]. Во второй части словаря приводится хронологический индекс (или указатель дат), который построен по идеографическому принципу (от значения хрононима к наименованию), где разные названия одного временного отрезка представлены также в алфавитном порядке.

Словарь будет иметь этнолингвистическую ценность, так как в контекстах будут даны экстралингвистические сведения, относящиеся к содержанию народного календаря – трактовке самих календарных дат, а также их обрядового сопровождения.

При составлении словаря диалектных хрононимов возникает множество сложностей как неязыковых, так и собственно языковых. Большинство проблем связано со сбором хрононимов в полевых условиях и с характером подачи материала в словарях-источниках: затруднения носителей языка при соотнесении названия праздника с конкретной датой, возникновение «плавающих» дат, несовпадение дат в церковном и народном календаре, недостаточность языковой информации в словаре-источнике (часто не даются грамматические пометы, ударения и т. д.), отсутствие единообразной подачи материала в диалектных словарях, из которых извлекаются хрононимы (например, словообразовательные, грамматические и другие варианты хрононимов одни словари дают как отдельные заглавные слова, другие приводят в одной словарной статье), неполнота контекстов. Некоторые трудности идут от специфики хрононимов: вариативность на всех языковых уровнях, тесная связь с денотатом и т. д.

В случае несоотнесенности наименования с конкретной датой составителем словаря предпринимается попытка восстановить дату по церковному календарю, если это возможно (однако следует помнить, что в той диалектной микросистеме, где слово функционировало, оно могло обозначать момент времени, не совпадающий с «церковным» значением хрононима). Если восстановление невозможно (например, несколько дат посвящено одному святому), то в толковании слова вместо даты указывается календарный сезон: *Изосим*. Весенний праздник [какой?]. «Плавающие» даты, связанные с одним святым, предполагается подавать либо в одной дефиниции при идентичности наименования (*Авдóтьи-малиновки*. 1 или 4 августа по ст. ст.), либо приводить в конце статьи после пометы «ср.» для вариативных названий с одной внутренней формой (*Василий-капельник*. 27 февраля по ст. ст. Ср. *Василий-каплюжник*; *Василий-каплюжник*. 27/28 февраля по ст. ст.).

Среди лингвистических трудностей отметим грамматическую вариативность хрононимов. Существует проблема разграничения у существительных форм род. п. ед. ч. и им. п. мн. ч., а грамматические

пометы в источнике даны не для всех лексем. При отсутствии грамматических помет в словаре-источнике омоформы (*Ксении-полузимницы* (в форме им. п. мн. ч./pl. t.) и *Ксении-полузимницы* (в форме род. п. ед. ч.) – день Ксении-полузимницы) можно разграничить только при помощи контекстов. Родовая принадлежность у некоторых хронимов также может быть нетрадиционной или варьировать (*Илья* в форме м. р. и *Илья-матушка* в форме ж. р., *Микола вешний* и *Микола вешняя*), что выясняется в контексте. Если мы имеем дело со структурными или грамматикализованными вариантами (*Илья* и *Илья-матушка*, *Никола вешний* и *Никола вешняя*), то в словаре они подаются отдельно без грамматических помет. Если варьирование родовой принадлежности определяется только по контексту, то грамматические пометы даются после заглавного слова.

Словообразовательные варианты хронимов (*Микольщина* и *Микольщинка*) будут представлены как самостоятельные заглавные единицы словарных статей. Акцентологические варианты будут указываться в одной статье для заглавного слова: *Веденёв* (*Ведёнёв*) день. Фонетические варианты хронимов в словаре предполагается подавать как самостоятельные единицы, причем для каждого из них в конце словарной статьи будут приводиться соответствующие варианты: *Авдокеи*, мн. 1 марта по ст. ст. + *Евдакеи*, *Евдокеи*, *Евдокии*. Структурные варианты хронимов (характеризующиеся количественным различием компонентов в названии с одним общим) будут подаваться отдельно с отсылкой к варианту, являющемуся наиболее полным с точки зрения структуры (т. е. включающему в себя номенклатурный термин). Синтагматические варианты (имеющие различия в порядке следования компонентов) также подаются отдельно с отсылкой к названию с агнионимом (смысловым центром) на первом месте и определением в постпозиции: *Иванов* и *Иванов день*, *Никола вешний* и *Вешний Никола*.

Возникают сложности при подаче отношений лексической системности. Моносемичность хронимов и их привязанность к денотату не подлежит сомнению, поэтому многие из них имеют одно значение. Но для хронимов характерно и явление полисемии, развивающейся в результате метонимического переноса: *Водокрещи*. 1. 6 января по ст. ст., Крещение. 2. Время с 6 января по 1 марта по ст. ст.; *Паска*. 1. Праздник Пасхи, Светлое воскресенье. 2. Пасхальная неделя. В вышеприведенных примерах произошло расширение значения. В словаре это явление будет рассматриваться как многозначность, причем с опорой на контексты мы попытаемся восстановить основное и производное значения.

Одинаковые наименования разных объектов (разных временных точек, которые не являются смежными) можно считать омонимами: *Иванов день* '24 июня по ст. ст.'; *Иванов день* '24 февраля по ст. ст.'; *Иванов день* '29 августа по ст. ст.'. В словаре мы не будем разграничивать многозначность и омонимию: зачастую этому препятствует недостаточность информации в дефинициях и контекстах (часто неизвестно, кому посвящен день – одному святому или разным, с одним событием связан хрононим или с разными: *Бабий праздник*. 1. 25 марта по ст. ст., Благовещение пресвятой Богородицы. 2. 1 сентября по ст. ст. 3. 1 ноября по ст. ст., День Космы и Дамиана).

Явление синонимии у хрононимов нейтрализовано, так как они индивидуализируют какой-либо момент времени. Если несколько названий с разной внутренней формой относится к одному денотату, то мы это считаем полионимией и рассматриваем такие названия отдельно как параллельные: 1 января по ст. ст. – *Авсень*, *Василий Великий*, *Кудеса*. Если в сигнификативное значение включать внутреннюю форму хрононима, то названия типа *Никола вешний* и *Никола летний* '9 мая по ст. ст.' можно считать синонимами. Такие семантические варианты мы будем приводить в конце словарной статьи после символа ☼.

Иногда у хрононимов наблюдается явление «антонимии»: *Малый Спас* '1 августа по ст. ст.' и *Большой Спас* '6 августа по ст. ст.'. Такие «антонимы» также будут приводиться в конце словарной статьи. Кроме того, наблюдаются и другие семантические отношения хрононимов, которые в словаре тоже будут рассматриваться: *Маленький Спас*, *Средний Спас*, *Большой Спас*; *Крещение* и *Раннее Крещение*. Семантико-мотивационные связи будут устанавливаться для названий, функционирующих в одном говоре.

Н. И. Григорьева

Уральский государственный
педагогический университет

Наименования рок-групп: тенденции создания

Обращение к эргонимам в сфере рок-культуры для исследования духовной культуры данной области человеческой деятельности вполне закономерно, поскольку этот пласт номинативных единиц несет информацию о мире представителей рок-культурного пространства: их мироощущении, творческой потенции, пристрастиях и неприятии различных объектов бытия.

В большинстве случаев названия имеют прозрачную внутреннюю форму, но она далеко не всегда помогает расшифровке мотива номинации. Информация, зашифрованная в названии, различна по объему и

содержательно многозначна. Эта многозначность ведет к большой доле субъективности при толковании названий в мотивационном ключе.

Основной компонентой мотивации в рок-эргонимах является от-субъектная. Именно стремление отразить себя в названии порождает ассоциативные ряды, конечной точкой которых становится наименование. Не случайно весьма частотны названия, содержащие доминирующую сему 'человек'. Это могут быть:

- прямые указания на лидеров или других членов группы: «Маша и медведи» (имя *Маша* носит участница данной группы), «Егор и бомбометатели» (рок-группа образована Егором Никоновым), «Линник трио» (по фамилии двух братьев и сестры), «Чичерина», «Земфира», «Чиж и Ко» (*Чиж* – прозвище С. Чигракова), «Шмели» (*Шмель* – прозвище одного из основателей группы); в ряде случаев название зашифровывает указание на руководителя: «Эдисон БЭНД» – образовано в результате соединения усеченной формы имени руководителя группы Э. Губайдуллина и заимствованной лексемы *song* (англ. 'песня'); «СерьГа» – прописная буква выделяет смысловые части, указывающие на имя и фамилию лидера группы Сергея Галанина; в название «Бригада С» включена начальная буква фамилии лидера группы Г. Сукачева;

- характеризующие рок-группу в целом лексемы или словосочетания: «Люди в разном», «Люди под лестницей», «Мачо», «Ребята», «Человеки бум», «Дети», «Искусственные дети», «Клуб унылых лиц», «Кооператив Ништяк», «Легион», «Лига блюза», «Мафия», «Трест», «Альянс», «Ассоциация», «Группа продленного дня» (4 группы с таким названием), «Караван», «Клан Марио Санти», «Извне», «Не все», «Неприкасаемые», «Эти», «Я», «Тупые», «Пижоны», «Бригадиры», «Бригадный подряд», «Зодчие», «Сыновья», «Красные дьяволята», «Мотохулиганы», «Меломаны», «Скифы», «Славяне» и др.;

Большинство рассматриваемых собственных имен не имеют четко выраженной мотивации, поэтому имеет смысл рассмотреть их тематическое разнообразие. В основу рок-эргонимов могут быть положены:

- названия физиологических процессов: «Женская болезнь», «Инттоксикация», «Метастаза», «Ожог», «Похмельный синдром», «Суицидальный синдром», «Сплин», «Температура тела», «Шок», «Эпидемия», «Здоровье»;

- соматизмы: «Жестокие лица», «Живот», «Зубы», «Тела», «Шейка голимого», «Волосы»;

- обозначение действий или призыв к ним: «Жест ока», «Прощай, молодость», «Съешь мои шорты», «Убьет!», «Х... забей», «Апрельский марш», «Вежливый отказ», «Ногами на сидение», «Смех», «Траурный смех»;

- наименование мыслительных процессов: «Забывтая память», «Идея фикс»;
- именованне людей по какому-либо социальному признаку: «Бомж», «Испанский летчик», «Мастер», «Ночной портье», «Реаниматор», «Кардинал»;
- термины родства: «Стасов дед», «Сахарная мама», «Дядя Го»;
- названия человеческих взаимоотношений: «Старый приятель», «Скандал», «Диалог», «Дурное влияние», «Контра!»;
- семантизированные числообозначения: «07», «Ноль», «Семь один», «Девяносто девять процентов», «Девять», «33», «Дубль-1»;
- названия городских объектов и их частей: «Мегаполис», «Город», «Подземный город», «Бастион», «Цитадель», «Каземат», «Интерьеры», «Кабинет» (2 группы), «Крематорий», «Крематор», «Ночной проспект», «Переход», «Стена», «Шлюз», «Небесная дверь», «Пожарный кран», «Тупнель», «Кирпичи»;
- лексика быта: «Крекер», «Кексы», «Кофе», «Кровавая Мэри», «Чай-ф», «Яды», «Никотин», «Черный кофе», «Лосьон», «Штопор», «Телевизор», «Динамик»;
- названия событий и ситуаций: «Удачное приобретение», «Алиби», «Визит», «Восточный экспресс», «Дилижанс», «Выход», «Пикник», «Субботник», «Маскарад», «Новые праздники», «Победный конец», «Пари», «Последний шанс», «Встреча на Эльбе»;
- литературные, мифологические, фольклорные, библейские аллюзии: «Ева», «Ели Добсона», «Жар-Птица», «Железный поток», «Колыбель для кошки», «Король и шут», «Лунный Пьеро», «Мистер Твистер», «Мумий тролль», «Новый завет», «Нате!», «Оловянные солдатики», «Обломов», «Пророк», «Повести Белкина», «Садко», «Тяни-толкай», «Урфин Джюс», «Чудо-Юдо», «Черный обелиск», «Эльф», «Веселые картинки», «Волшебник изумрудного города», «Герда», «Гибель богов», «Гулливер», «5/4», «Металлаккорд», «Триптих», «Зинг Канна Нагота», «Каспар Хаузер», «Театр теней», «Черный квадрат», «Круиз», «Королевская охота», «Кино», «Оле Лукойе», «Каникулы Гегеля», «Робин Бэд» (данный эргоним отсылает нас к имени Робин Гуд: англ. *good* 'хороший' заменяется на антонимичное *bad* 'плохой' – возникает ирония в отношении общепринятой нормы), «Фрекен Бок», «Идол», «Черный ангел», «Эдем», «Над всей Испанией безоблачное небо»;
- лексика игр, спорта, развлечений: «5 баллов», «Игры», «Кросс», «Тайм аут», «Шах», «Ва-банк», «Джокер», «Карт-бланш»;
- лексика науки и техники: «Интеграл», «Квадро», «Круг», «Кашемировый глобус», «Камера Обскура», «Машина времени», «Сигма

Ру», «Альфа», «Дельта-оператор», «Точка отсчета», «Точка росы», «Центр», «Вектор», «Зигзаг», «Знаки препинания»;

– географические объекты: «Москва», «Преображенская площадь», «Парк Горького», «Порт-Артур», «Русская Америка», «Сектор Газа», «Тауэр»;

– посвящения реальным личностям: «Александр Невский», «Водопад имени Вахтанга Кикабидзе»;

– лексика флоры и фауны: «Ежи», «Кот который», «Колибри», «Лохматая акула», «Медведь-шатунь», «Собаки Табака», «Наутилус помпилиус», «Рептилия», «Собаки Наки», «Собачьи маски», «Сокол», «Стая», «Тараканы», «Ульи», «Шмели», «Война с саламандрами», «Дикий мед», «Зебры», «Кедры-выдры», «Кукуруза», «Ландыши сдулись», «Манго-манго», «Общество гигантских растений», «Трилистник», «Цветы», «Эдельвейс», «Джунгли»;

– названия метеорологических явлений: «Жара», «Ночная жара», «Циклон»;

– названия астрономических объектов: «Осколки солнца», «Тринадцатое созвездие», «Галактика»;

– звучание: «Матросская тишина», «Трубный зов», «Чин-чин»;

– наименования ландшафта: «Коралловые рифы», «Облачный край», «Океан», «Рифы», «Черная река»;

– наименования природных процессов: «Коррозия металла», «Смещение», «Дым»;

– обозначения сезонных и временных циклов: «Миллениум», «На улице день», «Тяжелый день», «Август», «Високосное лето», «Волшебные сумерки», «Время любить»;

– обозначения стихий: «Небо и земля», «Огонь».

Выбор как тематических групп, так и лексических единиц внутри них обнаруживает две весьма последовательно реализующиеся номинативные установки: на экзотику и на негативную оценку.

А. Н. Калинкина

Уральский государственный
университет

Номинативный признак «цвет» в народных обозначениях цветов

Среди признаков, лежащих в основе народной номинации цветов, обозначения по цвету были, очевидно, самыми ранними – не случайно *цвет* и *цветок* имеют общую этимологию. Материалы «Словаря русских народных говоров» позволяют выделить 315 номинаций цветов по признаку цвета.

Самым популярным цветовым мотиватором оказывается *белый* (101 номинация): *белобуквица*, *беловник*, *белоглаз*, *белоголовник*, *белояблочница* и др. *Белым* может называться изжелта-белый, желтовато-белый, грязно-белый, бледно-лиловый, беловатый, зеленовато-бледно-желтый и другие оттенки. Ср.: *беловая* олон. – лабазник вязолистный (растение с изжелта-белыми цветками) [2, 217]³; *белоголовец* смол., калуж. – тысячелистник благородный (с белыми или желтоватыми цветками) и тысячелистник обыкновенный (с белыми, розовато-лиловыми или красноватыми цветками); *белолойка* сверд. – «лекарственное растение с белыми и розовыми цветами в виде головок» [2, 222]; *бѣлый зверобой* сиб. – галения рогатая (цветки зеленовато-бледно-желтые) [2, 230]; *бѣлые корни* перм. – остролистник уральский (цветки пурпуровые, красноватые или сине-фиолетовые, растение многостебельное, покрытое мягкими, отклоненными, белыми волосками) [2, 230] и т. п.

Учитывается окраска не только соцветия (лепестков, тычинок, околоцветника, чашечек, пушинок соцветия, листочков обертки), но и других частей растения (корень, лист, волоски плода, черешок), ср.: *белокучка* яросл. – «растение, растущее на болотах, в низких местах и покрывающееся во время цветения белым пушком» [2, 221]; *белокопытник* ряз. – мать-мачеха: *Лист широкий, белый, на копыто походит* [2, 221] и др.

По признаку *желтого* цвета в русских говорах выделяется 66 номинаций: *желтец*, *желтняк*, *желтоголовник*, *желтуха*, *желтая бобка* и т. п. Со словом *желтый* в народном сознании связаны желтый, ярко-желтый, бледно-желтый, золотисто-желтый, а также оранжевый и зеленовато-желтый оттенки. Мотивацией чаще всего становится окраска соцветия: венчика, лепестков, листочков обертки. Лишь в нескольких случаях номинация по желтому цвету связана с цветом луковицы или цветом млечного сока, например: *желтомолочник* костром. – чистотел большой (с оранжевым млечным соком, из сока растения готовят желтую краску) [9, 112].

По признаку *красного* цвета образовано 65 названий. Судя по номинируемым объектам, в народном сознании лексема *красный* связана с богатым арсеналом оттенков: красный, лиловато-красный, пурпурово-розовый, темно-красный, ярко-красный, темно-малиновый, лилово-пурпуровый, красновато-бурый, кораллово-красный, пурпуровый, розовый, красноватый, грязно-темно-красный, пурпурово-красноватый, розовато-пурпурный, красновато-ржавый, лилово-розовый, красновато-лиловый, темно-розовый, фиолетово-розовый, фиолетово-красный, ярко-

³ В круглые скобки заключена характеристика растений, которая дается по различного рода определителям, в квадратных указывается номер тома словаря и страница.

малиновый, ярко-розовый, ср.: *красноголówka* – клевер луговой, дятлина красная (олон.); полевая скабиоза (олон.); лесной василек (с лилово-красными, реже белыми цветками; курск.) [15, 81]; *красноголównик* – красный клевер (урал., арх.); кровохлебка лекарственная (цветы темно-красные; сиб., том.); клевер средний (цветы ярко-красные; ворон.); черноголовник кровохлебковый (калуж.); чертополох поникший (с ярко-малиновыми, реже белыми цветами) и чертополох курчавый (с лилово-пурпуровыми, трубчатыми цветами) (южн.) [15, 181–182]; *красноцвётка* – тысячелистник мелкоцветковый (срединные цветки желтые, краевые – белые или розовые; вят.); истод большой, розовый (цветы лилово-синие, реже розовые; курск.) [15, 186]; *краснушка* новг. – кипрей узколистый, Иван-чай, копорский чай (цветы пурпурно-розовые) [15, 188] и др.

Большинство номинаций указывает на окраску соцветия (околоцветника, чашелистиков, венчика, губы, чашечки, чешуек), иногда стебля, корня или ветвей растения: *краснокóренка* – герань луговая (перм.); зверобой пронзеннолистный (красновато-бурый стебель и желтые цветы с черными полосками и точками; перм.); «растение [какое?]]» (*У ей корешок действительно красной, а травка с полметра и цветок желтый, а называется краснокоренка, уразница и крововик*; перм.); «сорная огородная трава [какая?]]» (*Краснокоренка в огороде растет, листики с одной стороны красные*; новосиб.) [15, 183] и т. п.

Розовый цвет редко задействован в номинации цветов (выявлено всего 2 номинации: *ро́зовая акация* среднеоб. – жимолость татарская (декоративный кустарник с белыми или розовыми цветами); *ро́зовая травка* ворон. – герань [35, 165]), поскольку обычно его оттенки относятся диалектоносителями к красному цвету. Очевидно, играет свою роль и заимствованный характер цветообозначения.

По признаку «имеющий синий цвет» выявлена 71 номинация. При этом *синий* обозначает целую палитру оттенков: синий, сине-фиолетовый, сине-голубой, ярко-синий, светло-синий, фиолетовый, фиолетово-синий, темно-фиолетовый, светло-фиолетовый, ярко-фиолетовый, голубой, голубоватый, темно-голубой, голубовато-синий, голубовато-лиловый, лиловый, грязно-лиловый, ср.: *синеворóт* – змееголовик Рупша (венчик фиолетово-синий или темно-голубой) [37, 322]; *синеглázка* вят. – борец высокий (цветы грязно-лиловые) [37, 323]; *синеголówka* арх. – черноголовка обыкновенная (венчик фиолетовый) [37, 323]; *мячики с́иние* перм. – мордовник (венчик сине-голубой) [37, 330]; *пискульник с́иний* петерб. – будра волосистая (венчик сине-фиолетовый) [37, 330] и др.

Синим цветом маркируется только само соцветие: венчик, пыльник, губа чашечки, околоцветник, лепестки.

По признаку *голубого* цвета выявлено 10 номинаций, поскольку чаще всего голубой цвет включается в палитру синего цвета и не выделяется самостоятельно, ср., однако: *голубые хвосты* нижегор. – вероника длиннолистная (декоративное растение с синими цветами) [6, 340]; *голубой цветок* нижегор. – василек [6, 340]; *голубоцветка* перм. – дубровка ползучая (с синими или голубыми цветами) [6, 342]; *голубоцветник* ворон. – василек [6, 341].

Можно говорить о том, что собственно «цветковым» является только синий цвет – все остальные мотивации по цвету связаны не только (а часто даже не столько) с окраской соцветий, но и с другими частями цветущих растений. Задействованный в номинации спектр цветовых оттенков показывает, что в народном восприятии окраска цветов отражается весьма обобщенно: прилагательные *белый, желтый, красный и синий* становятся выразителями огромного количества оттенков. В то же время цвет может играть роль дифференциатора, ср: *желтый дрок – красный дрок; белоголовник – красноголовник – синеголовник* и т. п.

Т. В. Кощева

Уральский государственный
педагогический университет

Категория рода как психологическая реальность детского языкового сознания (экспериментальные наблюдения)

Формирование языковой способности – одна из ключевых проблем лингвистики онтогенеза. Грамматический компонент языковой способности представляет в плане онтогенеза особую сложность, поскольку значения грамматических категорий и форм проходят в процессе их усвоения специфическую лингвокогнитивную обработку, соответствующую детской ментальности. Пожалуй, самой показательной в этом отношении является грамматическая категория рода. Предметом нашего анализа является усвоение категории рода существительного детьми младшего дошкольного возраста (от 2 до 4 лет) и детьми преддошкольного возраста (от 5 до 6 лет).

К числу основных трудностей, с которыми сталкивается ребенок при усвоении категории рода существительных, относятся:

1) освоение формальных показателей категории рода, которые не имеют четкой дифференциации; при этом не все оппозиции по роду получают в языке маркированность, формальную выраженность (ср., например, родовую асимметрию в разряде номинаций животных, птиц, насекомых: *муха*, *журавль*, *синица*, *мышь* и т. п., осознаваемую на фоне парных родовых коррелятов); протест ребенка вызывают и супплетивные родовые корреляты (ср. *баран* – *овца*, *утка* – *селезень* и т. п.); эти противоречия устраняются детьми в актах собственного словотворчества: *муха* – *мух*, *русалка* – *русал* и т. п.;

2) восприятие значения категории рода в разряде неодушевленных существительных, не связанное с естественным различием полов, заставляет ребенка искать семантическое основание родовых корреляций по аналогии с усвоенным гендерным принципом распределения личных одушевленных существительных (мужчина – женщина). Ср.: *Синица* – *тетенька*, а *дяденька* – *синиц*. Чрезвычайно популярна в детской речи «семейная» аналогия (*Петух* – *муж*, *жена его курица*, *а мать у них ... петушенция что ли?*). Примечательны размышления (вопросы) детей об отношениях между неодушевленными предметами: *А стол для табуретки кто?*

В этой связи особую значимость приобретает использование игровых алгоритмов, которые имеют диагностический характер, позволяя смоделировать ситуацию, в которой ребенок должен активизировать свою грамматическую компетенцию, не будучи в то же время скованным правилами нормативного выбора.

Одной из лингвистических игр, специально ориентированных на актуализацию представлений детей о грамматической и семантической связи родовых коррелятов, является игра «Женихи и невесты». Суть игрового алгоритма заключается в использовании понятной детям семантической аналогии при подборе родового ассоциата к предъявленному слову-стимулу (слово женского рода рассматривается как «невеста», мужского – как «жених»). Ребенок должен ответить на вопросы типа: «Кто жених у шторы?», «Кто невеста у стола?» и т. п.

Нами был проведен эксперимент по реализации данного игрового алгоритма с детьми от 2 до 6 лет (всего 20 человек).

В ходе эксперимента подвергалась верификации гипотеза относительно того, что семантическое подкрепление родовых оппозиций на основе введения игрового алгоритма, позволит выявить специфику тех ассоциативных стратегий, с помощью которых дети осваивают данную грамматическую категорию в разряде одушевленных и неодушевленных существительных.

В качестве стимулов, включенных в игровой контекст, детям были предложены: а) слова, которые в норме имеют родовые корреляты (*коза*); б) слова, которые не имеют формально выраженных родовых коррелятов (*синица*, *птица*); в) слова, родовые корреляты которых представлены супплетивными парами (*корова*, *петух*); г) неодушевленные существительные женского и мужского рода (например, *стол*, *кровать*, *ромашка* и др.). Репертуар стимулов, таким образом, включал неличные одушевленные существительные и существительные неодушевленные. Прокомментируем некоторые типичные реакции на заданные стимулы.

При ответе на вопрос «Кто жених у *козы*?» от 3 человек (дети двухлетнего возраста) был получен коррелят *коз*, образованный путем дефлексации. Очевидно, что здесь срабатывает ассоциативная стратегия, основанная на актуализации формального показателя (окончания *-а*) как сигнала «женскости» (на это указывает, в частности, С. Н. Цейтлин). Остальные 17 человек в качестве родового коррелята использовали нормативную номинацию *козел*.

При ответе на вопрос «Кто жених у *птицы*?» наблюдается совмещение олицетворения с освоением способов языкового выражения рода, проявляющегося в поиске и достраивании детьми недостающего звена «пары». В качестве реакций были получены следующие единицы: *птиц* (7 чел.), *воробей* (8 чел.); остальные пять человек ответа не дали. Родовая пара *птица* – *птиц* выявляет ту же закономерность, что и *коза* – *коз*, родовая корреляция *птица* – *воробей* реализует ассоциативную стратегию по принципу подбора ассоциата из числа тематически близких слов.

На стимул *петух* получены ассоциаты *петухиня* (3 чел.), *петушенция* (4 чел.). Ср. аналогию *петухиня* с *гусыня*, а *петушенция* со *старушенция* (хотя использование двухлетними и трехлетними детьми именно этих образцов весьма гипотетично). Данные ассоциаты можно расценивать как проявление компенсаторной лингвокреативной деятельности уже в младшем онтогенезе, а также как тенденцию к устранению супплетивизма. Восемь детей использовали нормативный вариант *курица*, а два ребенка на вопрос не ответили. Как и в предыдущих случаях, дети среднего дошкольного возраста придерживались стратегии предъявления нормативной (правильной) номинации.

На стимул *кровать* были получены родовые корреляты *диван* (6 чел.), *стул* (9 чел.). Стратегия ассоциирования в данном случае опиралась на поиск коррелята из числа функционально (*кровать* – *диван*) и тематически (*кровать* – *стул*) близких слов. При этом получено 5 отказов. Очевидно, само предъявленное слово (название неодушевленного предмета) вызывало у этих детей затруднение в подборе семантически близких ассоциатов.

Вопрос «Кто жених у *ромашки*?» вызвал у детей значительные затруднения. На него не дали ответа 12 человек. Три респондента назвали «женихом ромашки» *лес*, еще двое привели ассоциат *трав*а (использование стратегии поиска ассоциатов из числа тематически близких слов). Несомненной оригинальностью отличается ассоциат *Роман*, полученный от пятилетних респондентов: в качестве родового коррелята к нарицательному существительному женского рода используется созвучное имя собственное. Эта стратегия ассоциирования скорее всего проявление языковой игры. Возможно, здесь сказывается характерная для детей тенденция к прояснению мотивированности слова и его семантизации через сближение с фонетически сходными словами.

В рамках предложенной «семантической» модели (обоснования родовых оппозиций через аналогию «жених – невеста») детьми были использованы следующие стратегии подбора ассоциата к слову-стимулу:

а) подбор родового коррелята по формальному показателю (путем дефлексии – отсечения финали (окончания) *-а*, воспринимаемого детьми как сигнал «женскости»);

б) подбор «правильного» (усвоенного ребенком) родового коррелята;

в) замена нормативного варианта в супплетивной паре родовых коррелятов самостоятельным новообразованием (установление «симметрии» членов родовой пары по корню или компенсационное словообразование из-за незнания нормативного варианта);

г) подбор ассоциата из числа тематически близких лексем, актуальных для ребенка;

д) подбор ассоциата по созвучию (в данном случае эта стратегия предстает как сближение имени нарицательного и имени собственного).

В целом можно отметить, что задание, сформулированное в условиях игры «Женихи и невесты», детьми-дошкольниками воспринимается буквально, алгоритм не «считывается» как сигнал к словесной игре, хотя продемонстрированные ассоциативные стратегии выявляют спонтанную креативность речевых действий ребенка.

А. А. Макарова

Уральский государственный
университет

О проекте словаря озерной гидронимии Русского Севера

Составление словаря озерной гидронимии Русского Севера стало частью работы по лексикографической интерпретации русской ономастики, которая ведется коллективом кафедры русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета. Данный сло-

варь является интегральным – он включает элементы толкового, частотного, словообразовательного, этимологического и других типов словарей.

Словарь создается на основании картотек топонимической экспедиции УрГУ по богатой озерами территории Русского Севера (Архангельская и Вологодская области). В словаре представлены русские по функционированию названия, которые могут иметь как исконное, так и заимствованное (субстратное) происхождение.

Основной принцип толкового словаря озерных гидронимов Русского Севера – системное представление топонимии. Информация в словарной статье отражает разные типы отношений в топонимической системе. Каждый топоним должен быть представлен как обобщенный образ имени с учетом фонетических, словообразовательных, семантических и других вариантов и параллелей, метонимических связей и т. п.

Словарь строится по алфавитному принципу, что объясняется, с одной стороны, географическими особенностями озер (их точечным расположением – ср. словари ойконимов), а с другой – ономаσιологическими и этимологическими интересами будущих читателей словаря.

В словарной статье будут выделены различные зоны, отражающие языковые свойства озерного гидронима и отношения, в которые способен вступать гидроним в топонимической системе: 1) заглавное слово; 2) статистические сведения; 3) фонетические и акцентологические варианты; 4) словообразовательные и структурные варианты; 5) семантические варианты и параллельные наименования; 6) хронологические изменения вида объекта; 7) географическая привязка; 8) мотивировочные контексты; 9) сведения об объекте; 10) системные отношения топонима; 11) исходный апеллятив или географический термин.

При составлении словаря мы столкнулись с целым рядом лексикографических трудностей. При существовании на разных территориях нескольких фонетических, суффиксальных или структурных вариантов «однокорневых» топонимов приходится решать, что должно быть отнесено к разным статьям, что должно получить отражение как варианты топонима в пределах одной статьи, а главное, какой из вариантов выбрать в качестве заглавного. Выбор заглавного слова осуществлялся в зависимости от степени сложности структуры и частотности употребления формы. Так, в статье на *Баботозеро* форма *Бабот* окажется в вариантах (как единичная фиксация на фоне большей популярности других вариантов). В то же время из вариантов *Акан* и *Аканозеро* в качестве заглавного топонима будет избрана форма *Акан* (как наиболее частотная).

При каждом заглавном слове дается числовой показатель, отражающий распространение топонима по районам (при названиях,

имеющих единичную фиксацию, такой показатель опускается). В заголовочной части статьи мы ограничиваемся только указанием района. Например, так выглядят статистические данные в статье на *Ба́бье*: *Ба́бье* (6). А р х : Он (2), Пин, Холм; В л г : Ваш, Выт.

Для подсчета реального количества топонимов на территории одного района нами была разработана методика идентификации объектов номинации: производится сопоставление радиальных, соотносительных и административных привязок, вариантов и параллельных названий. Числовой показатель дает сведения как о популярности топонима в пределах топонимической системы, так и об ареалах названия на топонимическом пространстве Русского Севера.

Порядок следования фонетических и акцентологических вариантов определяется частотностью их употребления, а при близкой частотности – алфавитным порядком. Так, в статье на *А́лмозеро* порядок следования вариантов определяется их частотностью: *А́лмозеро*, *А́лемозеро*, *Алинóзеро*.

Варианты, отличающиеся друг от друга наличием/отсутствием географического термина подаются следующим образом: внутри статьи, если для данного топонима доказано соответствие с формой без географического термина, и отдельной статьей, если форма с географическим термином единична. Данное положение также относится к топонимам, которые формально могут быть рассмотрены как суффиксальные варианты.

Порядок следования вариантов в пределах одной словарной статьи определяется тремя критериями: степенью сложности структуры, частотностью, алфавитным порядком. Вначале подаются однословные топонимы, потом топонимы, включающие в свой состав географический термин; далее порядок определяется частотностью; при равной или близкой частотности в действие вступает алфавитный принцип. Например, в статье на *Ага́фоново* варианты приводятся в соответствии с усложнением структуры и частотностью: *Ага́фано*, *Ага́фон*, *Ага́фоно Озеро*.

При подаче параллельных наименований и семантических вариантов учитывается, что семантические варианты с помощью разных лексических средств реализуют один мотив номинации (*Ба́бково – Стару́шье*), в то время как параллельные наименования характеризуют объект с разных сторон и могут принадлежать к разным языкам-источникам (*Аштар // Хмелёвы*).

Хронологическими географическими изменениями мы называем объективные изменения вида объекта (старица → озеро, озеро → болото, и т. п.) с сохранением прежней номинации. Подобные сведения

необходимо учитывать для корректных выводов о связи топонима и вида номинируемого объекта.

Географическая привязка в идеале должна содержать как отнесение к бассейну ближайшей реки (или соотносительную привязку, если озеро проточное), так и обычную для точечных объектов радиальную привязку к ближайшему населенному пункту. Учет привязок к берегам рек поможет внести некоторую ясность в вопрос об ареальном распределении названий озер. Радиальная привязка включает в себя соотнесение с сельсоветом (при необходимости – указание на расстояние до ближайшего населенного пункта). Например, в статье на *Андозеро* привязка выглядит следующим образом: «Озеро находится у д. Андозеро (Тамицкий с/с) и является истоком р. Анда (> р. Онега спр.)».

Контексты подаются только в том случае, если они действительно являются мотивировочными, т. е. содержат точку зрения информанта на мотив номинации. Ср. контекст к названию оз. *Бездонное*: «Вода озера уходит под землю» (Холм, Ильино). Мы включаем такие контексты независимо от того, считаем ли данный мотив реальным или «наведенным» какими-либо внутриязыковыми причинами (например, аттракцией) или внеязыковыми обстоятельствами (например, «модой» на конкретное историческое лицо). Данное решение обусловлено этнолингвистической направленностью нашего словаря.

Сведения об объекте, отраженные в замечаниях собирателей, привлекаются нами в том случае, если они содержат значимые для номинации наблюдения над реальными особенностями (физическими характеристиками) объекта.

Системные отношения топонимов проявляются в их положении относительно друг друга. На синхронном и диахронном уровне можно говорить о существовании двух типов связи названий: семантической (названия образуют тематическую, «синонимическую», «антонимическую» микросистему) и метонимической. В качестве семантической микросистемы можно привести тематически связанную систему названий озер *Аштар Горный* и *Аштар Речной* (Холм).

Сведения о семантических связях и метонимических переносах названий целесообразно подавать в отдельной лексикографической зоне, поскольку они являются материалом для выводов об особенностях топонимической номинации (в частности, для косвенных выводов о специфике номинации озер).

Указываются диалектные и субстратные географические термины, входящие в состав топонима, в некоторых случаях дается их этимология. Например, в статье на *Ворожное* приводится арх. *вѣрга* ‘ручей, протока между островами, отмелями, на болоте’.

Стилизация под заимствование в уральских эргонимах

Одним из способов наименования магазинов, фирм и т. п. является широкое использование лексических единиц других языков, прежде всего английского. Отсылка ко всему иностранному воспринимается как демонстрация высокого престижа фирмы или коммерческого предприятия. Нередко такая отсылка допускает чисто стилистическое воплощение. Приемы подобной стилизации и рассматриваются в настоящем докладе. Можно выделить несколько путей стилизации:

1. Графическая стилизация. Осуществляется различными способами:

а) путем включения графемы латинского, редко греческого алфавита в написание эргонима: *АТМОСФЕРА*, *КвадрОПАРАЛЛАКС*, *Пере-креСток*, *ПостороNNим*, *NET*, *CEZON*, *ФАСОН*, *ЭВОЛЮЦИЯ*, *ЮЗЕР*, *ЦифРа*, *ДомКлимат*, *СИНТЕЗ*, *ЭТАЛОН*, *АКВА КЛОBER*, *СОЛЬ*, *Ради-усс*; *ДЕЛАА КОМИА*, *АЛЕКСАНДРИЯ*⁴; с другой стороны, эргоним, образованный от заимствования, может быть записан в графике языка-источника, но одна из букв (как правило, первая) взята из русского алфавита: *ЭLEVEL* (английское *a* – неопределенный артикль, *level* – уровень), *Яndex*, *ЮLINE*;

б) через написание латиницей русского слова: *omUT*, *PROZRENIE*, *List`ok*, *Radomir*;

2. Морфологическая стилизация. В эргоним включается та или иная иноязычная морфема:

а) английский суффикс *-er* со значением лица, производящего действие глагола, к которому прибавляется суффикс. На русский язык передается транслитерацией *-er* и встречается в 2 эргонимах: *ДОГЕР* (от англ. *dog* ‘выслеживать, преследовать’) и *ДанцеР* (является своеобразной контаминацией английского слова *dancer* ‘тот, кто танцует, танцор’ и русского слова *танцор*);

б) английское окончание множественного числа *-s*, переданное средствами русской графики. Встречается в 2 эргонимах, где добавляется к заимствованному из французского языка слову *tour*: *ТРАНСА-ЭРО ТУРС*, *ПАЛЬМА ТУРС*;

в) английский притяжательный суффикс *'s*: *Гордон`s*, *РОСТИК`С*;

г) английское *-off*, оформляющее русскую фамилию (или стилизованное под фамилию ключевое слово) на английский манер; оно чаще

---

⁴ Отметим, что буква Σ («сигма») в данном случае употреблена в значении E (эпсилон).

передается средствами русской графики (КОРЮФФ, Тинькофф, ЮР-КОФФ И К, БлинОфф, Чистофф, Квартирофф, ТЕПЛОФФ, ЗАГА-РОФФ, ПОДОКОННИКОФФ И СТОЛЕШНИКОФФ), но отмечено 3 эргонима, в которых *-off* передано латиницей и «внедряется» в слово, а не служит его финалью: ПРОКОФФИЙ, Чайсоффский, СТРАХoffКА;

д) латинское окончание *-us*: БАГУС-УНИВЕРСАЛ (от англ. *bag*), КОПИРУС (от англ. *copy*);

е) латинское окончание *-um*: ЛОРУМ;

ж) французский определенный артикль *la*: ЛЯ КЛУБ;

з) итальянская финаль наречия в превосходной степени: СТИЛИС-СИМО (*стиль* + *-issimo*).

3. Включение в эргоним семантически значимых фрагментов, входящих к иностранным языкам. Этот тип стилизации осуществляется следующими способами:

– выделение латиницей части слова, омонимичной иноязычному обозначению одного из ключевых понятий для данного предприятия: СИМФОНИЯ (*sim-* – часть названия пластинки с чипом в мобильном телефоне);

– добавление элементов электронного адреса *.ru*, *.net*: ШАПКА.RU, ДЕТИ.RU, *netphoto.ru*, АРТИКУЛ.RU, СНЯТО.RU, НЕДВИЖИ-МОСТЬ.RU, Телефон. RU, ДИСК.RU, Даром.ru, ПОСТОРОННИМ.NET, КАБиNET.

– использование при создании эргонима значка «&» (апресенд) в значении ‘и’: Л & ПАРТНЕРЫ, БЕСТ & Я, Окна & двери, Чай & Кофе, Кожа & мех, АВТО&ЗВУК, КОЛЕСА&РОЛИКИ, ДЕНЬ&НОЧЬ.

Как экзотический прием используется стилизация под ту или иную известную фразу, например, латинское выражение *perpetuum mobile* получает отражение в эргонимии в виде двух магазинов ремонта телефонов – Ремонт Мобиле, МОБИЛИС МОБИЛЕ.

В эргонимии встречается также своеобразная мимикрия словосочетаний под какое-либо слово путем использования начальных букв и слогов словосочетания. Например, юридическое агентство СОДБИ: Содби – знаменитое место проведения больших аукционов в Англии, в данном же случае эргоним образован путем сложения словосочетания *содействие бизнесу*. Магазин телефонов СОТЭЛЬ: эргоним образован от русского словосочетания *сотовый телефон*, при стилизации одновременно под французское слово, с мягким *л* на конце и изменением *е* в *э*, как в иностранном слове.

Таким образом, рассмотрение различных способов стилизации эргонимов под заимствования показывает, что чаще всего это морфологическая стилизация, реже – графическая. Наибольшее количество стилизаций связано с английским языком.

Антропонимия микросоциума

Антропонимические исследования, как правило, обращены к изучению ситуаций именования в масштабах страны, области, региона. Между тем развивается антропонимия прежде всего в микросоциумах, т. е. в небольших группах людей, связанных теми или иными близкими отношениями⁵. Изучению именований в рамках микросоциума и посвящен данный доклад. Исследуется антропонимия, бытующая в группе из пяти студенток 3-го курса факультета русского языка и литературы Уральского педагогического университета, находящихся в дружеских отношениях. Наша цель – выявить все возможные именования исследуемых людей как внутри микрогруппы, так и в смежных социумах (друзья и близкие люди, члены семьи, преподаватели университета).

Микросоциум сам формирует систему именований, и значительная роль в этом процессе принадлежит лидеру данной микрогруппы – человеку с очень развитым лингвистическим чутьем и наделенным большими творческими потенциями. Состав антропонимикона микросоциума очень динамичен: он постоянно пополняется новыми именованиями, служащими для более точного обозначения человека в той или иной ситуации. Сам процесс появления новых именований носит филологическую направленность: имена и прозвища даются по ассоциативному признаку в связи с прочитанной книгой или прослушанной лекцией. Процесс рождения новых именований происходит за считанные секунды, поэтому не всегда удается установить признак, положенный в основу именования.

Обобщив полученные данные, можно составить следующую классификацию имен, используемых в микросоциуме:

1. Именование полным именем: *Екатерина, Ксения, Александра* и т. п.
2. Именование сокращенной формой имени: *Катя, Ксюша, Саша* и т. п.
3. Именование уменьшительно-ласкательной формой имени: *Ксеньчка, Кристиночка, Катюшенька, Натали, Нати, Санечек, Санечка*;
4. Использование иностранного варианта личного имени: *Катрин (Катя), Сандрин (Саша)*;
5. Использование номинаций, производных от фамилии: *Орленок, Орлик* (от фамилии *Орлова*).

---

⁵ См. об этом: *Ладейщикова О. Л.* Ономастикон студенческого социума (состав и структура): Дипломная работа. Екатеринбург: УрГУ, 2004.

6. Именованіе прозвищем. Здесь выделяются следующие типы:

1) прозвища, связанные с предпочтениями в области искусства:

– кинематографа: *Гена*, а также производные от этого имени – *Генка*, *Гэнка*, *Геннадий Андреевич*, *Зеленький*, *Крокодилчик* (по имени героя мультфильма «Крокодил Гена»; признак, положенный в основу данной номинации, неизвестен); *Дюжсева* (по имени любимого актера *Дмитрия Дюжсева*); *Меньшикова* (по имени любимого актера *Олега Меньшикова*); *Охра* (по имени телевизионной ведущей); *Хабенская* (по имени любимого актера *Константина Хабенского*);

– литературы: *Виссарион*, а также производные от этого имени – *Виссара*, *Виська* (в честь В. Г. Белинского; в основу данного именования были положены такие качества человека, как «неистовость» и незаурядные литературные способности); *Госпожа де Бестюжен* (трансформация имени героини Флобера *госпожа Бовари*; в данном имени отражены такие качества, как незакомплексованность и смелость); *Лолита*, а также производные от этого имени – *Лолиточка*, *Лолочка* (в честь героини романа В. Набокова «Лолита»; хотя респондент и пишет, что его «назвали так не по сходству, а просто потому, что надо было придумать прозвище», в основу этого наименования легли личные качества девушки); *Мадонна Лаура* (по имени возлюбленной Ф. Пётрарки) – в этом имени отражается внешняя красота девушки, данное имя употребляется, когда у говорящего не хватает слов, чтобы выразить свои эмоции и чувства; *Улита* (по имени одной из героинь романа М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы»; имя приобрело дополнительную коннотацию – непонимание чего-либо);

2) прозвища, отражающие особенности характера и поведения человека: *Валера-человек-гора*, *Валера-человек-лопух* (непонятливость); *Мать*, *Княгиня* (лидер, идейный вдохновитель); *Слонита* (неуклюжесть);

Таким образом, в исследуемом микросоциуме практически не употребляются фамилии, а официальные имена уступают свое место и роль неофициальным именам и прозвищам, которые берут на себя функцию выделения индивидуума среди других.

В исследуемом микросоциуме показательны следующие две тенденции: 1) называть друг друга мужскими именами; 2) наполнять общеизвестные именования новым содержанием, а также частично их видоизменять.

Преподаватели предпочитают обращаться к студентам, называя их сокращенной формой имени. К использованию фамилии студента преподаватели прибегают в следующих случаях: если нужно устранить омонимию, когда студенты носят одинаковые имена; когда говорят о студенте с иронией или просто мало его знают.

В среде близких людей наблюдается тенденция называть друг друга по уменьшительно-ласкательной форме имени (например, *Катюша, Ксения, Ксенечка, Кристиночка, Саицуля, Саиенька*). Полное имя приобретает в социуме близких людей отрицательную коннотацию: как отметили респонденты, оно употребляется лишь в тех случаях, когда на них за что-то сердятся.

Естественно, что рассматриваемый микросоциум соотносится с более широким социумом родственников и близких людей. Так, например, один из респондентов ходит в *anime*-клуб, где все называют друг друга по никам, которые человеку дают другие по сходству с тем или иным *anime*-персонажем или которые сами себе выбирают (*Ален, Милерна, Накаго, Филя, Юки* и др.). Другой респондент ходит в студенческий педагогический отряд «Фелица», где все называют друг друга по фамилиям и образованным от них производным. Называть друг друга по фамилиям вошло в данном отряде в традицию, ибо каждый год в отряд приходят новые бойцы, и становится необходимым различать друг друга в ситуации омонимии имен. Приведем некоторые, наиболее интересные образования: Глушкова Лена – *Глу, Глуня, крошка Глу*; Никишкина Надя – *Ники, Никишмон, Ники-тики*; Русинова Таня – *Русинда, Русич*. Однако данные именованья оказываются востребованными только среди членов этих микрогрупп (т. е. студенческого педагогического отряда и *anime*-клуба).

В кругу близких людей наиболее популярными становятся именованья, образованные по следующим моделям:

1) от фамилий: Григорук – *Григорушка, Григорук-без ног без рук*; Зырянов – *Зырь, Зырь-пузырь*; Качевская – *Качок, Кочерыжка, Кочерга*; Кокуев – *Кукуй, Кукушка*; Тиликова – *Тилик-тилик, Тили-тिलитесто*; Филиппенко – *Фил, Фили*;

2) созданные по принципу метонимического переноса: *Князь Андрей* – в честь Андрея Болконского, по совпадению имен (*Андрей*); *Антонио Саморанчес, Антонио Бандерас* – по сходству имени (*Антон*);

3) прозвища, образованные при помощи аббревиации (*Миша Кашин* – *МК* (Московский Комсомолец)), обозначающие те или иные характеристики человека (*Женщина-вамп*; *Килька в автомате* – худая и высокая; *Персик, Хурма*; *Пять холодильников* – любит вкусно поесть; *Тучка* – все время чем-то недовольна; *Черная Метка* – черные волосы).

Таким образом, в более широком социуме оказываются востребованными более традиционные, чем в микросоциуме, способы именования. Стереотипы именования, принятые в микросоциуме, не выходят за его пределы.

Вставные конструкции в публицистическом стиле речи: функциональный аспект

Н. С. Валгина в своей работе «Активные процессы в современном русском языке» отмечает активизацию в использовании вставных конструкций в различных стилях речи⁶. Интерес к этому процессу обуславливает обращение к данной теме исследования.

Объектом нашего исследования являются вставные конструкции, которые традиционно понимаются как синтаксические конструкции, содержащие добавочные замечания, попутные указания, уточнения, поправки, разъясняющие содержание предложения в целом или отдельного слова в нем, иногда резко выпадающие из семантической структуры целого.

Для выявления закономерностей функционирования вставных элементов в публицистическом стиле, необходимо выделить основные принципы данного стиля. В. Г. Костомаров, характеризуя публицистический стиль, отмечает, что стилеобразующим единством для него является сочетание экспрессии и стандарта. Это единство обусловлено такими функциями публицистики, как информативная и воздействующая⁷. Экспрессивность является движущей силой языкового развития. Публицистика, как активно развивающийся и меняющийся стиль, наиболее часто экспрессивна, так как имеет установку на преднамеренное воздействие. Тенденция к экспрессии означает стремление публицистики к яркости формы выражения, характерной для языка художественной литературы и разговорной речи, что влечет за собой усиление изобразительной силы сказанного и написанного.

Синтаксис публицистики отражает основную тенденцию развития данного стиля: доминирование экспрессивного начала. Н. С. Валгина отмечает, что «на смену единому развернутому высказыванию с непрерывностью и последовательностью синтаксической связи, с вербально выраженными подчинительными отношениями приходит тип высказывания расчлененный, без ярко (словесно) выраженной синтаксической связи, с нарушением и прерыванием синтагматической цепочки»⁸. Это проявляется в использовании разных средств экспрессивного синтакси-

---

⁶ Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке. М., 2000. С. 46.

⁷ Костомаров В. Г. Русский язык на газетной полосе. М., 1971. С. 54.

⁸ Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке. М., 2000. С. 57.

са, в том числе и вставных конструкций, которые позволяют выразить двуплановость повествования, передать авторскую точку зрения, оптимизировать сообщение и понимание информации в нем.

Анализируя функционирование вставных конструкций, мы рассматриваем соотношение в них экспрессивного и информативного начал. Данное соотношение и стало критерием для выделения следующих функций исследуемых единиц в публицистическом тексте.

1. Экспрессивная (оценочная). Конструкции, выполняющие данную функцию, позволяют автору проявить свою индивидуальность и повысить выразительность текста: *В республике 113 школ, большие половины (!) из них находятся в приспособленных зданиях* [КП, № 126, 2006]; *Несмотря на пенсионный возраст, на здоровье Елена Николаевна не жалуется (тьфу-тьфу) и намерена подкопить денег на поездку* [АиФ Урал, № 38, 2006]; *Над головой – волосы дыбом встают! – в темно-зеленом пластиковом контейнере лежит 47-тонный ядерный «Тополь»* [АиФ, № 39, 2006].

Конструкции данного типа различны по своей структуре. Экспрессивность, стремление воздействовать на читателя может передаваться пунктуационным знаком, заключенным в скобки (преимущественно восклицательным), междометными выражениями, разговорными оборотами речи, использованием вводных единиц и другими средствами.

Так, например, в предложении: *В общественно-политической газете о других российских партиях что-то не рассказывается (а вдруг они тоже консолидируются и тоже сделают ставку?)* [АиФ, № 13, 2006] передается стремление выразить субъективно-оценочное мнение автора. Подобные конструкции являются средством создания иллюзии диалога между автором и читателем.

2. Информативная (служебная, метатекстовая). Вставные конструкции данного типа помогают адекватно понять содержание текста или четко ориентироваться в нем.

Анализируя языковой материал, мы выделили следующие способы реализации данной функции:

- толкование понятий: *Поэтому правоохранительные органы правильно квалифицировали действие вора как кражу (тайное похищение имущества), а не как грабеж (открытое хищение)* [КП, № 126, 2006];

- отсылка к фактам, статистическим данным. Информация в скобках конкретизирует некоторое понятие или сообщение, стоящие в основной части предложения: *Речь идет о лидере списка, депутате Госдумы РФ Евгении Ройзмане, певце Александре Новикове (2-й номер списка) и главе областного исполкома РПЖ Дмитрии Уткине (4-й номер списка)* [АиФ № 37, 2006];

- отсылка читателя к определенной странице, конкретному номеру данного издания: *Планируется, что 5-6 паромов будут курсировать между Усть-Лугой, Балтийском и немецким портом Засниц, перевоза до 1,5 млн тонн грузов в год (о том, как в целом решается проблема «транспортной блокады» Калининградской области, читайте на с. 10)* [АиФ, № 37, 2006].

3. Коммуникативная. Содержание вставной конструкции звучит как объективное, не выражающее авторскую оценку. Передается определенная информация, значимая для адресата и адресанта, которая поясняет основное содержание предложения: *Земля в кооперативе, по сути, так и принадлежит местным крестьянам (они вошли в него со своими паями)* [АиФ, № 38, 2006]. В данном предложении информация, которую содержит вставной элемент, носит констатирующий характер, без относительно к субъективному восприятию, не осложнена выражением оценки.

Данные конструкции преимущественно а) объясняют причины событий, описываемых в основном предложении: *Татищев недолго пробыл при Петре I. Меньше чем через полгода император отправил его в Швецию осматривать горные заводы (опять же, потому что лучше Василия Никитича с этим никто не справился бы)* [АиФ, № 13, 2006]; б) дают пространственно-временные характеристики: *Еще не остыли головки в спаленном ресторане (где и началась разборка, приведшая к гибели двух русских), как эстафету подхватила Самара* [АиФ, № 38, 2006] и др.

4. Комбинированная. Данные вставные конструкции содержат значимую для читателя, по мнению автора, информацию в сочетании с авторской интерпретацией представленных фактов.

Здесь нужны специальные права, которые не купишь в ГАИ, и 3-летний курс обучения в специальной, единственной в РВСН школе прапорщиков. (Кстати, жалование механика-водителя ракетноносца «Тополь» – всего 6–7 тыс. руб.) [АиФ, № 39, 2006]. В данном примере фактическая информация о размере заработной платы дается с грустно-иронической оценкой, которая выражается вводным словом *кстати*, а также лексемами *жалование*, *всего*.

Все кустики на вершинах перевязаны сотнями ритуальных ленточек с пожеланиями. Например, такими: «О Заратустра! Пошли мне хату (указан метраж. – Авт.), тачку (указана марка автомобиля) и отсрочку от армии» и т. д. [АиФ, № 37, 2006]. Пометой «авт.» в данной конструкции автор противопоставляет себя персонажам статьи. Стандартизированные обороты в скобках используются на контрасте с нарочито разговорными в основном предложении. Таким образом, создается ироническая оценка, которую и должен воспринять читатель.

В публицистическом стиле речи преобладают вставные конструкции преимущественно последнего типа, функцией которых является передача объективной информации, осложненной авторской оценкой, что соответствует конструктивному принципу публицистического стиля – сочетание стандарта и экспрессии, информирования и воздействия.

Е. В. Попова

Уральский государственный
университет

Средства выражения идеи достижения в русских паремиях: пространственный аспект

Паремии представляют собой целостные высказывания, поэтому интересны для выявления концепта «достижения». Интерес заключается в том, что «достижение» как некая абстракция в языковом выражении требует построения ситуации, которая может быть представлена в пропозиции пословиц и поговорок. По мнению Г. Л. Пермякова, «пословичные изречения являются знаками и одновременно моделями различных типовых ситуаций или отношений между вещами (явлениями) окружающей действительности»⁹. Эти ситуации задают конкретные элементы пропозиции – предикаты и актанты, представляющие «форму выражения», которую, по мнению В. М. Мокиенко, в некоторых случаях можно признать этноспецифичной при условии особого оформления паремии как целого»¹⁰. Реконструкция ситуации достижения в пространственном аспекте и является целью нашего доклада.

Такой подход обоснован этимологически: *достигать* < о.-слав. корень **stig-*, **styg-*. Ср. о.-с. *stȕdza – ‘дорога’, ‘тропа’, ‘путь’, и.-е. корень **steigh-* – ‘шагать’, ‘спешить’, ‘возвращаться’ [Черных, 1, 264–265]. Мы видим, что исходная семантика корня связана с полем «движение». Современные толковые словари первым значением глагола *достичь* дают именно пространственное: ‘дойти, доехать до какого-н. места’ [Ожегов, 177]; ‘дойти, доехать до какого-л. места, предела’ [МАС, 1, 437]; ‘двигаясь, доходить, доезжать до какого-либо места; добираться куда-либо’ [БАС, 5, 1039–1040]. Предлог (и приставка) *до* в пространственном отношении обозначают ‘расстояние между двумя местами’ или указывают ‘на его предел’ [Ожегов, 168].

⁹ Пермяков Г. Л. Основы структурной паремиологии. М., 1988. С. 84.

¹⁰ Мокиенко В. М. Национальное и интернациональное в славянской паремиологии. Глобализация-этнизация. Этнокультурные и этноязыковые процессы: В 2 кн. Кн. 1. М., 2006. С. 220.

Таким образом, выстраивается общая ситуация достижения: субъект передвигается в пространстве, стремясь к некому локусу. Данная схема была использована при отборе материала из «Пословиц русского народа» В. И. Даля. Выбор сборника обусловлен тем, что он отражает некую усредненную, «классическую» выборку, полно отражающую паремиологический фонд носителей (в том числе и современных) русского языка. Из источника было извлечено 85 паремий с пространственным отношением указания на предел, эксплицируемым предлогом *до*, и поддерживаемым во многих случаях приставкой.

Мотивационно все предикаты данных паремий представляют собой глаголы движения. Рассмотрим основные идеограммы этого блока:

‘достичь кого-, чего-либо пешком’: *дойти, доходить, сходить, дохаживать, ступить, не дошагнуть, добрести, добежать, пробежать* (31; 36,5 %) – *Придет неспросиха – дойдет и Флориха до лиха* [84]¹¹; *И по заячьему следу доходят до медвежьей берлоги* [417]; *Он на показ до Москвы без спотычки пробежит* [436]; *Добредет, как хан до Крыма* (т. е. разбитый в набеge) [290];

‘достичь чего-, кого-либо на каком-либо средстве передвижения’: *доехать, дуть* (‘быстро ехать’) (7; 8,2 %) – *Шибко ехать – не скоро доехать* [177]; *Ехал, да не доехал: опять поедем – авось доедем* [39]; *Дуй до горы, а в гору принайдем* (или: *спряжемся*) [177];

‘достичь чего-, кого-либо совместно с объектом прямого действия’: *довести, проводить, доездить, донести* (20; 23,5 %) – *Грехи любезны доводят до бездны* [22]; *Язык до Киева доведет* [176];

‘достичь нечто движущееся’: *догнать, прогнать* (7; 8,2 %) – *Большой брат меньшого не догонит* (колеса) [599]; *Пришли казаки с Дону да прогнали ляхов до дому* (освобождение Москвы от поляков 1612 г.) [218]. Особняком стоит следующий предикат, обозначающий абстрактное достижение: *доткнуться* – *Над головой трясется, так и до нас доткнется* [90].

Многие паремии построены эллиптически, глагол в них отсутствует, а именная часть сказуемого представляет собой СКС со значением пространственных отношений: *высоко, далеко, недалеко, недалече, ближе, ниже* (19; 22,4%) – *Далеко грешнику до царствия небесного* [37]; *До неба высоко, до царя далеко* [152]; *Бей челом ниже: до неба высоко, до лица земли ближе* [133]; *Не до неба, не до земли* (падающая звезда) [573]. Как видно из приведенных примеров, глаголы движения в них демонстрируют разные значения: прямое, связанное с идеей про-

---

¹¹ В квадратных скобках указывается страница сборника пословиц В. И. Даля.

странства реального, и переносные, в которых отражено ментальное пространство, моделируемое в сознании носителя языка. Процессы и отношения в этом пространстве связаны с идеями: осуществления задуманного – *Пошло дело на завязку, дойдет и до конца* [309]; результатов действий, выраженных в данном случае не предикатом, а некоторыми актантами – *Худое слово доведет до дела* [258]; *Доходит ум и до бога* [269]; *Грехи любезны доводят до бездны* [22]. Таким образом, семантический и идеографический анализы предикатов показывают, что основной идеей паремий в данном случае становится идея возможности осуществления некоего намерения, выраженная с помощью стертых пространственных метафор.

Обычно в паремиях с у б ъ е к т присутствует имплицитно (это связано со структурой паремий), им может быть всякий; в рассматриваемых контекстах обнаружилось несколько обобщенных субъектов, выраженных дейктически: *всяк, все, кто, что, он*. Сфера ‘человек’ представлена следующими номинациями: *баба* (2), *большой брат, грешник, казаки с Дону* (2), *немец, русский, хан, солдат, Флориха* (2); в эту сферу также входит одна соматическая номинация: *язык* (5), которая коррелирует со следующим блоком – ‘свойства и качества человека’: *ум* (2), *девичья память, девичий стыд*; действия, процессы и состояния: *дело, ссора, худое слово, слава (добрая, худая), игра (денежная), дрема*. К сфере ‘обезличенные воплощения человеческих действий и качеств’ относятся: *авось, авось да небось, неспросиха, порядки (большие, великие), черед, никакое худо*. Особняком стоит номинация *бог*. В сферу ‘животные’ попали: *кобыла, кургузка* (обращение к лошади), *кошка и мышь*. Сфера ‘артефакты’ представлена номинациями: *колеса* (2), *тироги*; ‘явления природы’ – только одной номинацией – *падающая звезда*. Таким образом, из 61 эксплицированных субъектов большинство представляет собой номинации, связанные с человеком и его осознанной ментальной деятельностью.

О б ъ е к т в паремиях с идеей достижения играет более важную роль, чем субъект, так как он одновременно является предельным локусом и целью. Итак, пределами реального пространства в паремиях выступают: универсальные – *небо* (5), *земля, лицо земли*; конкретные топонимы – *Москва* (3), *Киев* (3), *Крым, Валдай, Курск*; особенности рельефа – *берег, гора*, пределы – *порог* (7), *конец*; разнообразные постройки (помещения), их части – *дом* (2), *двор* (2), *мазарки, кабак, рынок, овин, ворота* (2), *угол, крыльцо*; жилище животного – *медвежья берлога*; конкретный артефакт – *клубок*. Также роль такого локуса могут исполнять номинации некоторых существ (хотя во многих случаях речь идет о метонимическом переносе по функции): *царь* (3), *бог* (2), *мертвые, меньший (брат)*. Интересно, что если как некая цель – объект

достижения позиционируется общность людей, выраженная формой личного местоимения 1-го л., мн. ч., род. п., то она изначально обладает свойством предела (является последней): *до нас* (5) – *Кой день прошел, тот до нас дошел* [283]. В соматическом выражении достижения предела представлено только *сердце*. Ментальное пространство измеряется несколькими универсальными аксиологическими категориями: *добро* (5), *лихо* (2), *благо*, *беда*, и метонимически – *бездна*, *царствие небесное*; а также некими действиями, выраженными существительными: *дело*, *беспорядки* (*великие*, *большие*), *кулак*, *побои*. Таким образом, пределы достижения могут увеличиваться до пределов вселенной и уменьшаться до границ отдельной ситуации (в переносном смысле).

О. Н. Симушова

Пермский государственный
университет

Структура женских антропонимов в кунгурских актах второй половины XVII – начала XVIII вв.

В работах по русской исторической ономастике недостаточное внимание уделяется формам именования женщин, поскольку последнее, не имея никаких юридических прав, реже упоминаются в памятниках деловой письменности XI–XVII вв. Р. Мароевич, исследуя оппозицию определенных и неопределенных форм притяжательных прилагательных в древнерусском языке, отмечает, что в памятниках письменности XI–XV вв. женщина именуется опосредованно – при помощи мужского антропонима.

Исследователи русской антропонимии, изучая женские имена, наиболее часто обращаются к аспекту сословного выбора имени и частотности употребления имен, что можно найти в работах В. А. Никонова, Л. М. Щетинина и др. Менее всего исследована структура женских антропонимов.

Целью нашей работы является описание способов именования женщин в памятниках деловой письменности Прикамья конца XVII – начала XVIII вв. На основе собранного материала были выделены некоторые антропонимические модели именования женщин, анализ которых является одной из важнейших задач исследования. Решаются также частные задачи, касающиеся анализа этимологии, структуры, способов образования и частотности употребления антропонимов, кроме того, изучается адаптация заимствованных имен и их функционирование в официальных документах и живой речи.

Материалом исследования явилась антропонимия, зафиксированная в памятниках письменности делового языка Прикамья конца XVII –

начала XVIII вв.: Кунгурских актах XVII в. (1668–1699 гг.), Кунгурской земской судной избе и Кунгурских судебно-административных учреждениях XVII–XVIII вв. Исследованию подверглись около 620 случаев употребления женских антропонимов, представляющих собой составные именованья женщин, собранные путем сплошной выборки.

Данное исследование опирается на работы С. И. Зинина и Ю. И. Чайкиной, которые рассматривают структуру женских антропонимов в памятниках XVII–XVIII вв., а также на работу Е. Н. Поляковой, Л. В. Паниной, описывающих календарные имена в Прикамье рубежа XVI–XVII вв.

В ходе исследования материала рассмотрены различные антропонимические модели именования женщин. Все модели могут осложняться указанием на национальность женщины (*татарка, черемиска*), социальный статус (*вдова, солдатская жена*), занятие (*работная, просви́рня*), место жительства (*Верхиренской четверти татарка*), на возрастной статус (*девочка, девка, девица, женка*), семейные отношения (*сестра, мать, падчерица, сноха, теща, мачеха, невестка, племянница, тетка*) и т. д. Могут осложняться и указанием места проживания (*Кунгурского уезда деревни Неволины Бориса Оксенова дочь*), рода деятельности (*стрелец, поп, дьяк*), национальности (*татарин*), а также общественного положения мужчины (*именитого человека Даниловская жена Строганова*).

Мы считаем возможным рассматривать нарицательные слова, осложняющие модели именования, факультативным компонентом, не входящим в состав антропонимической модели.

Полное официальное именование замужней женщины имеет четырехчленную структуру, состоящую из личного имени женщины, ее патронима, имени супруга и его фамилии (*Катерина Михайлова дочь Федорова жена Накорякова*), а полное именование незамужней женщины – трехчленную структуру, состоящую из личного имени женщины, патронима и фамилии отца.

Именование от антропонима мужа представлено притяжательным прилагательным, образованным при помощи суффикса *-овск (-евск)*, *-ов (-ев)*, *-ин*, либо в форме единственного числа родительного падежа принадлежности. Патроним женщины представлен в форме притяжательного прилагательного с суффиксом *-ов (-ев)*, *-ин* образованного от личного имени отца, либо в форме родительного или именительного падежа.

Некоторые компоненты полных антропонимических моделей могут отсутствовать, в связи с чем есть возможность выделить различные модели именования. В кунгурских актах обнаружено 19 моделей, в которых не учитывается порядок следования компонентов, так как мы рассматриваем его факультативным. Наиболее частотным является

именование женщины по личному имени, которое может быть представлено либо полным, либо вторичным образованием.

Именование женщины может также осуществляться и через антропони́мы других мужчин (свекра, сына, брата, пасынка, отчима, работодателя и т. д.), что обусловлено экстралингвистическими факторами.

Исследованию подверглись христианские календарные имена, т. е. заимствования из греческого, латинского, древнееврейского языков, а также татарские и башкирские личные имена в русской транскрипции. Для них характерны определенные фонетические преобразования, отражающие разные процессы становления национального русского языка.

По нормам делового языка исследуемого периода, полные имена в той фонетической и морфологической форме, в какой они существовали в святцах, редко употреблялись в официальных документах. В связи с этим есть возможность проследить способы адаптации имени в языке, его функционирование в живой речи и в моделях официального именования.

В кунгурских актах второй половины XVII – начала XVIII вв. обнаруживается постоянное и сложное взаимодействие официального делового языка и разговорной речи в области словообразования. В документы проникают характерные для живой речи вторичные имена с антропоформантами, наиболее распространенными из которых являются *-ица* и *-ка*, а также с нулевым суффиксом, реже отмечаются имена на *-утка* (*-ютка*). В текстах документов функционируют также отыменные прозвища на *-иха*, образованные от имени мужа (*Терёшиха*, *Анасиха*), которые характеризуют разговорную речь.

В полной официальной четырехчленной модели именования женщины чаще всего употребляются полные имена, за редким исключением в более ранних текстах. Неполные модели могут быть представлены как полными дериватами от имен, так и вторичными.

Описанные в работе модели именования женщины в официальных документах рубежа XVII–XVIII вв., выводы и собранный материал могут быть использованы при изучении женской антропонимии других регионов и иных временных периодов.

О. С. Соломеина

Уральский государственный
педагогический университет

Заемствованные слова из английского языка в конце XX века

Современная тяга к заимствованиям воспроизводит две исторические линии: с одной стороны, это действительно потребности в корне изменившейся жизни (смена политических, экономических, идеологи-

ческих ориентиров), с другой – американомания, когда привлекательными оказываются не только технические новшества, но и стандарты жизненного уровня, манера поведения и общения, вкусы. Сейчас английские слова вытесняют не только русские, но и слова других языков, ранее заимствованные и вполне прижившиеся в русском языке (например: англ. *сэндвич* вместо нем. *бутерброд*; англ. *слоган* вместо нем. *лозунг*; англ. *хит* вместо нем. *шлягер*; англ. *аниматор* вместо фр. *мультипликатор*; англ. *дисплей* вместо фр. *экран* и др.).

В настоящее время заимствование представлено широко во всех сферах жизни: политической (преобразования в государственном и партийно-политическом устройстве), экономической (переход на рельсы рыночной экономики), финансовой (появление банков, новой кредитно-финансовой системы), в сфере предпринимательской деятельности (развитие профессиональной деятельности как интеллектуальной деятельности в период складывающихся рыночных отношений), технической (развитие видеотехники, компьютерной техники, Интернет), бытовой (влияние в стиле одежды, времяпрепровождения), в сфере поп-искусства и спорта (социально-психологический настрой на принятие нового, «иног» мира, ранее запретного) и др.

Среди наиболее употребительных заимствований в 1990-е гг. можно назвать слова: *аутотренинг, аэробика, бартер, бейсик, брейк, ваучер, видеодиск, видеоклип, гиперинфляция, дезодорант, дисплей, дилер, дискета, диск-жокей, дискомфорт, имидж, интраверт, инаугурация, инклюзивный, китч, клип, кока-кола, листинг, луна-парк, маркетинг, мафиози, менеджмент, оффшор, рейтинг, репринт, рокеры, скейт-борд, спонсор, трейлер, триллер, ушу, файл, харизма, хеппинг, хостис, шей-тинг, шоумен, шоу-бизнес, эксклюзивный, экстраверт, экстрасенс, пиар* и др.

В тематическом отношении слова-заимствования охватывают разнообразие сфер жизни современного российского общества: лексика государственного управления, международно-правовая – *парламент, саммит, импичмент, спикер, инаугурация, спичрайтер*; лексика общественно-политическая – *брифинг, рейтинг, электорат, консенсус*; лексика научно-техническая – *блюминг, крекинг, шейтинг, ноу-хау*; лексика экономическая и связанная с предпринимательской деятельностью: *концерн, акция, вексель, ваучер, дистрибьютер, демпинг, маркетинг, лизинг; брокер, аудитор, дебитор, дилер, менеджер, принципал, франчайзи* (мелкий предприниматель), *бартер, брокер*; лексика спортивная – *допинг, тренинг, кикбоксинг, овертайм, шейтинг*; лексика обиходная – *кемпинг, дансинг, шопинг, кабаре*; лексика современного поп-искусства – *кантри, сингл, саунд, диск-жокей, шоу, ретро-шлягер*.

Употребление заимствований терминологической лексики прежде всего связано со специальной сферой деятельности – в научной, технической литературе, в профессиональном общении. Однако для современного языка характерным оказывается взаимодействие разных подсистем языка, в частности применение терминов в бытовой, повседневной речи. Через средства массовой информации, а также вследствие активного внедрения техники в быт современного человека специальные понятия и термины становятся активными составляющими бытового лексикона. Подобная лексика внедряется в просторечие, при этом часто трансформируется, переименовается. Например, *она рентгеном работает; в квартире лимит живет; понаехала всякая лимита; вышла замуж за контингента*. Нелитературный характер подобных словоупотреблений очевиден, но сам факт проникновения иноязычной лексики в просторечие говорит о том, что чужое слово становится своим, органично включенным в словарь повседневного быта.

На начальном этапе слова еще не связаны с той действительностью, которая их породила. Когда слово еще не прижилось в заимствующем языке, возможны варианты его произношения и написания: *доллар, доллар, долар* (англ. *dollar*).

Благодаря частому использованию в устной и письменной форме слово иностранного языка приживается, его внешняя форма приобретает устойчивый вид, происходит адаптация слова к нормам заимствующего языка. Это – период заимствования или вхождения в язык. На этом этапе еще сильно семантическое влияние языка-источника.

На этапе усвоения иноязычного слова в среде носителей одного языка начинает свое действие народная этимология. Когда иноязычное слово начинает восприниматься как непонятное, его пустую звуковую форму стараются наполнить содержанием близко звучащего и близкого по значению исконного слова. Например, *спинжак* (от англ. *pea-jacket* «пиджак») – незнакомое слово, соотнесенное в народном сознании со словом *спина*. Последний этап проникновения иноязычного слова в заимствующий язык – ускорение, когда слово широко употребляется в среде носителей языка-восприемника и полностью адаптируется законом русского языка. Оно включается в полноценную жизнь: может обрести однокоренными словами, образовывать аббревиатуры, приобретать новые оттенки значений и т. д.

В результате всестороннего исследования слов, заимствованных из английского языка в русский, можно сделать вывод, что заимствуются в основном имена существительные (их 92 % общего числа проанализированных лексем); в английском языке 54,9 % заимствованных в русский язык слов были однозначными; 2,2% из них появились

в древнеанглийский период, 6,4 % – в среднеанглийский и 91,4 % – в новоанглийский период. Анализ морфемной структуры слов в английском языке, которые были затем заимствованы, показал, что в наш список входят 88 простых (корневых), 180 – производных, 61 – сложных, 30 – сложнопроизводных. В результате анализа словообразовательной структуры слов в английском языке установлено, что 7 % производных слов – префиксальные производные, 79 % – суффиксальные, 13 % – суффиксально-префиксальные. Анализ стилистической окраски английских слов, которые были заимствованы, показал, что только 69 лексем (17 % общего количества заимствований) имеют стилистические пометы в английском словаре (The Oxford dictionary). Из них наибольшее количество слов (19 %) имеют помету *colloq.*; 15 % – помету *computing*; 10 % – помету *slang*.

Е. В. Шабалина

Уральский государственный
университет

К вопросу об аксиологических коннотациях русских числительных

В настоящем докладе будут изложены некоторые наблюдения над семантикой русских числительных, функционирующих в составе лексем и устойчивых сочетаний. При этом нас интересуют факты, принадлежащие различным формам существования языка – литературному языку, диалектам и социолектам.

Числительное в семантическом отношении является своего рода «пустой формой». Типичная процедура счета/измерения не предполагает оценочной атрибуции объектов, основная цель ее – помещение предмета в числовой ряд и определение его места в этом ряду, ср. *семь столов, девятый человек*. В устойчивых сочетаниях и лексемах, содержащих числовой компонент, семантика контекстуального партнера заполняет эту «форму»: знание об объекте счета накладывается на знание о числе, ср. рус. литер. *в двух словах* ‘очень коротко’, *с три короба* ‘очень много (*наговорить, пообещать, наврать* и т. п.)’, *семь потов сошло* (с кого) ‘затрачено много усилий кем-либо для выполнения, осуществления чего-либо’.

Таким образом, числительное, помещенное в идиоматический контекст, может получить оттенок той семантики, которую несет связанная с ним лексема, т. е. наделяться коннотативными смыслами. Коннотативный спектр числительных можно представить в виде шкалы, отра-

жающей степень смысловой удаленности от изначальной идеи конкретного количества: ср. диал. *два ничего* 'очень мало', литер. *от горшка два вершка* 'о человеке низкого роста', диал. *семиглазка* 'пиявка' (в данном случае числительные *два* и *семь* служат показателями обобщенного количества – «мало» и «много»), литер. *дело десятое* 'несущественно, неважно' (смысловой оттенок обобщенного количества получает оценочное звучание: десятый элемент ряда мыслится как неважный, несущественный), *на седьмом небе* 'безгранично счастливым, глубоко удовлетворенным (*быть, чувствовать себя*)' (*седьмое небо*, будучи культурным прецедентом, развивает коннотативный смысл наивысшего, наилучшего).

В ряду устойчивых коннотаций числительного особое место занимает противопоставление нормы и аномалии. Сугубо количественная идея избытка или же недостатка получает качественное воплощение в идее отклонения от нормы. Последняя, в свою очередь, приобретает определенную аксиологическую нагрузку: диал. *плутшице о семи пальцах* 'плут, ловкий'; *двойник* 'об очень много, за двоих работающем человеке'; *девяносто девять не хватает до сотни* 'о дураке'; литер. *семь пятниц на неделе* (у кого) 'кто-либо часто меняет свои решения, намерения, настроения и т. п.'; *нуль без палочки* 'некомпетентный, грубый человек'; *пятая ступа в колесе* 'о ком-либо совершенно ненужном, лишнем где-либо'.

С наибольшей регулярностью идея нормы и аномалии прослеживается у числительных, связанных со сферой «соматика». Корпоральная норма либо не получает оценочной окраски (ср. литер. *пятерня* 'ладонь'), либо маркируется положительно (ср. литер. *глядеть в оба* 'быть внимательным, осторожным'). Аксиологическая нагрузка соматической аномалии определяется функцией «исчисляемого» органа. Если орган является средоточием жизненных сил человека или «вместилищем» его интеллектуальных способностей, то его удвоение маркируется положительно, ср. диал. *дву-жильник, двужильница* 'выносливый, сильный человек; крепыш, здоровяк', литер. *семи пядей во лбу* 'очень умный, мудрый, выдающийся'. Если же речь идет о частях тела, являющихся средоточием и выразителем душевной жизни человека, то их количественное увеличение мыслится как знак моральной нечистоплотности, ср. *двуязычный* 'лицемерный, двойственный в словах и высказываниях', *двуличный* 'неискренний, лицемерный', *двоедушные* 'неискренность в словах и поступках; лицемерие, двуличие'. Лексемы и устойчивые сочетания, мотивированные соматическими обозначениями, охватывают семантические области моральных и физических качеств.

В случае с диалектным языковым материалом немалое значение имеет культурная семантика соматических номинаций и сочетаемых

с ними числовых показателей: ср. *двоезуб* («человек двоезуб, или с волчьим зубом, почитается злым, опасным и нередко знахарем») [Даль]. Очевидно, *двоезубом* считается человек с двойным рядом зубов или же тот, кто родился с двумя зубами. Символика числа два (негативное удвоение) в данной номинации поддерживается этнокультурной символикой зубов. В славянской традиции зубы связываются с жизненной силой, со сверхъестественными способностями. Особая крепость зубов или их аномалии мыслятся как признак демонической природы человека.

Можно предположить, что в номинациях людей с корпоральными «излишками» (в случаях, когда речь идет о жизненно важной или символически «нагруженной» части тела) воплощается идея компенсаторности (ср. трансляцию подобной идеи в выражениях типа *не в меру, переполнилась мера терпения*): если у человека две души, двойная жила или же двойной ряд зубов, то он удлиняет свой век за счет сокращения века других людей. Отсюда – негативное отношение к носителям таких аномалий и приписывание им различных сверхъестественных способностей: ср. *двужильная лошадь* – «по народному поверью, служащая на домового и потому негодная в работу; дознавшись, что лошадь двужильная, хозяин сбывает ее нипочем; если же она падет во дворе, то все лошади передохнут и нельзя бале держать лошадей. Примета ее: переход от шеи к холке, в мышках, раздвигается» [Даль]. Вероятно, двужильная лошадь воспринимается как способная «отбирать» жилы у других лошадей и продлевающая за счет этого свой век.

Среди семантических сфер, на которые распространяются числовые «аномалии», особо широко представлена сфера «интеллект» (диал. *половинный дурак, половина дурака* ‘о глупом человеке’; *полушáлок, полушáлком* ‘о глуповатом человеке’; *две доли безумные, а треть дурака* ‘о глуповатом человеке’; *девятого не хватает* ‘об умственно недалеком человеке’; диал. *трем свиньям щей не разлить* ‘о неграмотном, недалеком человеке’). Если номинации, мотивированные соматической лексикой, опираются на четкое представление о количественной норме, то при обозначении интеллектуальной неполноценности опора на строго заданную норму невозможна. В таком случае количественный показатель задается культурно отмеченным числом. При этом заметно противопоставление двух числовых рядов – «культурного» (значимого для народной традиции) и «математического» (удобного в практике счета). Если номинатором за точку отсчета берется «культурный» числовой ряд (состоящий, как правило, из 7, 9, 99 элементов), то его количественное расширение/сужение мыслится как ненормативное и, следовательно, аномальное. И, наоборот, с точки зрения «математической» нормы (10, 100, 1000), последний элемент ряда может трактов-

ваться как «дополнительно-необходимый», покрывающий собою остальные элементы и поддерживающий порядок внутри ряда (ср. значения лат. *decanus*: 'командир отделения из 10 человек', 'декан, старший в группе из 10 монахов').

Невыписанность объекта в числовой ряд получает противоречивое аксиологическое осмысление. С одной стороны, рядоположенный объект мыслится как невыдающийся, неинтересный: ср. литер. *недюжинный* 'выдающийся, выделяющийся своими способностями, достоинствами', *дюжинный* 'средних способностей, заурядный'. С другой стороны, расширение ряда мыслится как нежелательная аномалия: *чертова дюжина* 'о ком-либо или о чем-либо в количестве тринадцати, числом тринадцать'. Решающую роль в порождении данного смысла играет культурная нагруженность числительного 12.

Т. Ю. Шкляева

Пермский государственный
университет

Географические термины как основа ойконимов Соликамского района Пермского края

В докладе рассмотрены географические термины как основа ойконимов Соликамского района Пермского края. Исследование является частью работы, посвященной ойконимии Соликамского района в целом. Этот район интересен по нескольким причинам. С точки зрения топонимии он представляет собой недостаточно исследованную область, систематических работ по этой теме нами не было найдено. С другой стороны, район Соли Камской заселялся русскими одним из первых в границах современного Пермского края, имеет достаточно долгую историю, и потому показателен с точки зрения языка.

Основой исследования явилась составленная нами картотека по материалам сборника «Пермская область: административно-территориальное деление» за 1963 г. Мы пользовались также аналогичными справочниками за 1981 и 1993 гг.; а также справочником «Список населенных пунктов Пермской губернии за 1875 г.» (Соликамский уезд), и работами В. А. Никонова, А. К. Матвеева, А. С. Кривошековой-Гантман, Л. Г. Гусевой, Е. Н. Поляковой и др.

Среди 332 ойконимов Соликамского района, по данным 1962 г., к географическим терминам восходит 51 название, что составляет больше 10 %, а значит, весьма значимый пласт в ойконимии района. Какие же это термины?

На основе составленной картотеки нами была построена следующая классификация:

1. Названия, образованные от географических терминов, обозначающих объекты – производные человеческой деятельности – 25,5 %;
2. Названия, образованные от географических терминов-оронимов – 25,5 %;
3. Гидронимические географические термины – 18 %;
4. Ботанические географические термины – 18 %;
5. Тельмографические термины – 6 %.

Ойконимы, образованные от географических терминов, обозначающих объекты – производные человеческой деятельности, связаны с лесным промыслом и с самим лесом. Они характеризуют тот или иной способ обработки леса и все, с этим связанное: *Чертёж*, *Гаревая*, *Гари* (*гарь*, *гари* ‘выгоревший или с умыслу выжженный лес, пожарище в лесу; гари также молодая поросль по горелому месту’ [Даль, 1, 622]), *Пальники* (*пальник* = *выгарь*; *выгарь* ‘место, участок, на котором огнем уничтожен лес’ [Акчим, 1, 165]); иногда эти названия бывают связаны с пахотой: *Заполье* (*заполье* ‘дальнее поле или пашня, которые поэтому и не удобряются, а по выпашке покидаются под залог, залежь; кулижки, расчищенные кем для себя, не в счёт тяглогового участка’ [Даль, 1, 1024]).

Оторонимические ойконимы района в своем большинстве образованы от названий высоких мест. Большинство возвышенностей воспринимаются как возможный ориентир в пространстве, поэтому многие селения названы именно по ним. Ойконимы, относящиеся к этой группе, таковы: *Городище*, *Зелёный Мыс*, *Камень*, *Кекур* (*кекур* ‘высокое место, бугор, холм’ [Полякова, 155]), *Кокуй* (*кокуй* ‘высокое место, горка, холм’ [Там же, 161]), *Косогор*, *Крутики* (*крутик* ‘крутой склон горы, берега, оврага’ [Там же, 178]), *Мыс*, *Мысы*, *Сгорки*, *Слудка*.

Некоторые ойконимы своей этимологической основой связаны с гидронимическими географическими терминами. Отдельные места рек и озер, имеющие свои нарицательные именованья, дают основу таким ойконимам, как *Затон*, *Рассохи*, *Урай* (из мансийского *урай* ‘речной залив, старица’ [Матвеев]). Иногда названия поселений отражают близость к ним более мелких источников воды – ключей и родников. В Соликамском районе отмечена достаточно большая распространенность названий *Родники* и *Ключи*. В сельскохозяйственных районах родники выходят на горизонтальную поверхность прямо из-под земли, так что земля как бы «пузырится». Скорее всего, форма множественного числа ойконима вызвана природными особенностями, а не определенной словообразовательной структурой (-и как словообразовательный формант).

Ботанические географические термины целиком и полностью связаны с лесами. Характеризуется сам близлежащий лесной массив – его вид: *Осинник, Осинники, Дубы, Ельники, Дуброва* (дуброва ‘чернолесье, лиственный лес; чистый лесок, как дубняк, березняк, осинник; отъёмный и чистый остров, парк’ [Даль, 1, 826]); его особенности – *Полом, Сузёмок* (сузёмный лес ‘глухой, непроходимый лес’; суземье ‘дремучий хвойный лес’ [Акхим]). Форма множественного числа (*Дубы, Ельники, Осинники*) здесь уже полностью результат словообразования, формант *-и* имеет собственно словообразовательное значение и множественное число выражает лишь формально.

Тельмографические ойконимы представлены тремя единицами: *Сутяга, Малая Сутяга, Большая Сутяга*.

Необходимо упомянуть о четырех ойконимах, которые находятся за рамками представленной выше классификации. Это следующие единицы: *Залесье, Заполье* (2 ойконима), *Заугор*. Это ойконимы-ориентиры. Если во всех предыдущих группах в ойконим переходил непосредственно географический термин, то в этой группе ойконим показывает положение населенного пункта относительно того или иного географического объекта. Однако и здесь нельзя решить этот вопрос однозначно: так, термины *залесье* и *заполье* могут не столько отражать реальное географическое положение населенного пункта, сколько обозначать те или иные хозяйственные реалии (*заполье* ‘дальнее поле, оставленное под залог, залежь’).

В целом об ойконимах, образованных от географических терминов, можно сказать следующее. Во-первых, среди них очень мало нерусских по происхождению слов. Можно назвать только *Кокуй, Кекур, Урай*. При этом ойконимы *Кекур* и *Кокуй* были принесены на территорию Соли Камской переселенцами с Русского Севера и их апеллятивная основа была им известна.

С точки зрения словообразования ойконимы, произошедшие от географических терминов, главным образом состоят из самой апеллятивной основы. Единственный формант, который представлен в этой группе, это формант *-и*: *Дубы, Ельники, Ключи, Крутики, Осинники, Рассохи, Родники*.

Следует отметить, что все вышеперечисленные населенные пункты являются весьма старыми, давно существующими. По крайней мере, в «Списке населенных пунктов 1875 года» все эти деревни присутствуют.

Топонимы с корнем *бел-* в Пермском крае и других регионах России

Цель данной работы – выявить и проанализировать как можно больше российских топонимов с корнем *бел-* и попытаться выявить их этимологию. Опираясь на предварительно проведенное нами исследование слов нарицательных с данным корнем, можно говорить о том, что их в русском языке накопилось очень большое количество, причем не все они обладают семантикой цвета: вероятность вхождения корня *бел-* или слова *белый* в топоним очень высока. Для нахождения самого топонимического материала прибегаем к сведениям атласов, карт (например, «Географический атлас России» под ред. И. Ю. Каменской). Объяснить же этимологию того или иного названия иногда непросто, и версий, как правило, несколько, поэтому мы обращаемся к топонимическим словарям (например «Краткий топонимический словарь» В. А. Никонова, «Вершины Каменного пояса» А. К. Матвеева) и монографиям, посвященным топонимии.

В России множество топонимов с корнем *бел-*, среди которых названия мысов, островов, рек, озер, населенных пунктов, гор, полей и т. д. По словообразовательным особенностям их можно разделить на четыре группы: 1) прилагательное *белый* (*-ая, -ое, -ые*): например, река *Белая*, мыс *Белый*; 2) прилагательное *белый* (*-ая, -ое, -ые*) + существительное: например, *Белый Городок* в Подмосковье, *Белая Хата* в Чеченской республике, *Белые Ключи* в Саратовской области; 3) сложные слова, где одним из корней является *бел-*: например, *Белоомут* рядом с Коломной, *Белокуриха* на Алтае, *Беломечетская* около Невинномыска; 4) существительное или прилагательное с корнем *бел-* и деривационными аффиксами: например, *Беловский* на Алтае, *Беляниново* под Москвой, *Беленький* на Забайкалье.

Среди гидронимов с корнем *бел-* очень частотным является *Белая*. Реки с таким названием протекают в бассейнах Ангары, Берингова моря, Краснодарского водохранилища и др. Исследователи [ср. В. А. Никонов] считают, что *Белая* – это русская калька тюркского *Ак-Итиль* (*Ак* – «белый», *Итиль* – «река»). В противовес этому названию есть *Кара-Итиль* (*Кара* – «черный»). Из двенадцати рек *Белых*, представленных в «Географическом атласе России», шесть являются левыми притоками других рек (например, Камы, Ангары, Кубани). Но можно ли делать вывод, что в определенных случаях противопоставление «белый – чер-

ный» соответствует паре «левый – правый»? Установить это, скорее всего, помогает наличие или отсутствие рядом с *Белой* реки с названием с корнем *черн-*.

Озер с названием *Белое* в России тоже предостаточно: данный лимноним есть на картах Московской, Вологодской, Свердловской областей и других регионов. Это название – калька из финно-угорских языков. По версии В. А. Никонова, топоним несет в себе не только семантику цвета, но может означать ‘священный’. Наименование озера *Белое* породило массу ойконимов с корнями *бел-* и *озер-*: *Белое Озеро*, *Белозерово*, *Белозерье*, *Белоозерск* и много других.

Обратимся к Пермскому краю. На левом берегу Яйвы (левого притока Камы) стояла деревня *Белая Пашня*, упоминаемая еще в памятниках XVII в. По мнению Е. Н. Шумилова, ойконим мотивирован цветом почвы после дождя, когда она начинает подсыхать. Однако в этом топониме, по мнению Е. Н. Поляковой, реализуется такое значение слова *белый* как ‘освобожденный от феодальных повинностей, налогов’ (*белая пашня* – земля, за которую не платили подати в казну). Подтверждением этого может быть противопоставленный этому названию ойконим *Казенная Пашня*, также отмеченный в пермских памятниках письменности.

В отдельную группу можно выделить такие ойконимы, как *Белобородово*, *Белоусово*, *Белый*, *Беляевка*, а также *Белоглазово* поле. Эти названия произошли от прозвищ или фамилий людей – жителей или основателей населенных пунктов, что само по себе характерно для возникновения многих ойконимов. Так, называние словом с корнем *бел-* отличительных черт человека по цвету становится предпосылкой для рождения топонима (чаще всего, ойконима).

В большом разнообразии гидронимов региона названиям с корнем *бел-* также нашлось место: в Пермском крае протекают несколько рек *Белых*, реки *Белая Сюзьва*, *Белый Тырым*, *Бельчик*, *Беляевка* и другие. Попробуем разобраться, какова семантика слова *белый* в названиях *Белая Сюзьва* и *Белый Тырым*. Река *Белая Сюзьва* при слиянии с *Черной Сюзьвой* образует реку *Сюзьву* – правый приток Камы. Здесь, возможно, реализуется противопоставление слов *белый* – *черный* с семантикой ‘южный’ – ‘северный’, так как *Белая Сюзьва* протекает южнее *Черной*. Что касается *Белого Тырыма*, то эта река впадает в *Большой Тырым*, и больше никаких особенностей (например, *Черного Тырыма*) на картах нет. В этом случае *белый* скорее всего означает ‘чистый, светлый, прозрачный’.

Среди оронимов края можно выделить *Белый Спой* (хребет), *Белые Мхи* (камень), *Белый Камень*. А. К. Матвеев в работе «Вершины Ка-

менного пояса» объясняет слово *белый* в названии *Белый Спой* как характеризующее цвет горных пород, так как эта возвышенность сложена белыми и желтыми кварцевыми песчаниками. Гора *Белая* и хребет *Белый Камень* могли получить свое название в силу нескольких причин: светлая порода, большое количество берез, обилие снега и т. д. Как видим, в вопросе об этимологии этих оронимов очень редко выделяется доминирующая версия.

В названиях полей и урочищ Пермского края находим следующие: *Белая* (урочище на реке Северный Кондас), *Белоглазово* (поле), *Беляково* (урочище на реке Нож), *Белое* (поле), *Белое* (урочище на реке Усолке), *Бельское* (урочище) и др. Присутствие корня *бел-* в этих топонимах обосновано разными причинами. Преобладающий цвет растений, прозвище владельца, независимость от феодала в прошлом – все эти признаки данных географических объектов могли найти отражение в представленных наименованиях. Это обусловлено, прежде всего, тем, что исследуемый корень дает большие лексико-семантические группы и обширные словообразовательные гнезда.

Итак, в рассмотренных топонимах корень *бел-* выступает в следующих значениях: 1) 'белого цвета', 2) 'свободный от повинностей', 3) 'южный'.

Я. В. Щелканова

Уральский государственный
педагогический университет

Значение слова в сознании ребенка-дошкольника (экспериментальные наблюдения)

Одной из проблем, связанных с онтогенезом речевой деятельности, является формирование семантического компонента языковой способности ребенка. Усвоение значений вербальных знаков – процесс обусловленный, с одной стороны, когнитивным опытом ребенка, с другой стороны, сложностью семантической структуры слова, компоненты которого образуют ядерно-периферийные зоны в поле соотносимого с тем или иным знаком содержания. Так называемые семантические инновации детской речи возникают из-за того, что значение слова усваивается ребенком не сразу во всем объеме, а постепенно, включая динамику осознания детьми ядра и периферии смыслового объема слова в зависимости от накопления детьми языкового и когнитивного опыта (И. А. Стернин, В. К. Харченко, С. Н. Цейтлин). Важными для понимания того, как закладывается в сознании ребенка «фундамент» значения, являются следующие постулаты лингвистики детской речи.

1. Усвоение языка в онтогенезе – это одновременно и первичный способ категоризации действительности. Опора на когнции («предметные эталоны»), выведенные ребенком из практического опыта освоения стоящей за словом «реалии», создает разного рода «смещения» в реализации им смысловой функции слова.

2. Классы слов усваиваются детьми по-разному в зависимости от соответствия их содержанию уровню мышления ребенка. Содержание слов «с предметно-наглядным» компонентом в большей степени соответствует конкретно-образному типу детского мышления, в то время как абстрактные лексемы содержат обобщения, еще недоступные сознанию ребенка-дошкольника. Вместе с тем данные психолингвистических ассоциативных экспериментов показывают, что любое абстрактное понятие «погружается» детьми в ситуативную и предметную конкретику (ср., например, полученные от детей ассоциации на слово *смех* – *клоун, цирк, упал в лужу, кино, хохочем, балуемся*). Психологическая реальность значения (его отражение в индивидуальном сознании) определяется, таким образом, набором соотносительных со словом ассоциативных реакций (А. А. Леонтьев), выявление которых позволяет судить, с одной стороны, о степени сформированности семантических стереотипов, с другой – об актуальных для каждого носителя языка личностных аспектах восприятия семантики вербального знака.

Ассоциативный контекст слова, безусловно, диагностичен для определения своеобразия языкового сознания ребенка. В этой связи представляется продуктивным использование экспериментальных психолингвистических методик, опирающихся на интуицию носителя языка, в частности использование методики прямого толкования. Считается, что в процессе интерпретации (объяснения) значения слова обнаруживаются актуальные для говорящих ассоциации, свидетельствующие об уровне их семантической компетенции.

Методика прямого толкования (в зависимости от выбора стимульного материала как переменной составляющей эксперимента), согласно нашей гипотезе, может служить способом выявления компонентов семантической структуры слова, актуальных как для детей соответствующего возраста в целом, так и для конкретного ребенка в частности.

В качестве респондентов в проведенном нами эксперименте по прямому толкованию слова выступили дети 5–6 лет. Общее количество испытуемых – 12 человек: 8 девочек и 4 мальчика. Для толкования были предложены следующие слова: *кошка, собака, лев, медведь, тигр, корова, петух, шофер, врач, продавец, учитель, школа, садик, больница, магазин, машина, снеговик*. Эксперимент проводился в устной форме. Детям предлагалось ответить на вопрос «Что значит это слово?». Важ-

ным условием эксперимента было предъявление лексем для толкования вне контекста, что позволило установить приоритетные для дошкольников семантические компоненты лексического значения слов и ведущие значения (при многозначности лексемы), не навязанные контекстным окружением слова.

Рассмотрим особенности толкования лексем *школа, садик, магазин, больница*, которые в толковых словарях русского языка комментируются путем использования родо-видовой дефиниции с опорными словами *учреждение, помещение, здание*. Ср.: *магазин* 'учреждение, производящее розничную торговлю'; *школа* 'учебно-воспитательное учреждение; здание такого учреждения'; *больница* 'медицинское учреждение для стационарного лечения'; *садик* 'воспитательное учреждение для детей дошкольного возраста'. Полученные толкования данных слов в основном представляют собой ситуативные контексты-описания, в которых отсутствует интегральный признак, относящий слово к определенному классу предметов (учреждениям, помещениям разного рода). Среди семантических компонентов, представленных в толкованиях слов данной группы, наиболее значимой для детей выступает функция обозначаемого объекта, например: *школа – там учатся, занимаются ученики*; *садик – ходим в садик, играем, стим, занимаемся*; *магазин – можно купить, что хочешь, там продавцы работают*; *больница – врачи работают, приходят больные*.

В качестве дифференциальных компонентов значений толкуемых слов часто выступают внешние, наглядные признаки обозначаемых: размер, величина объекта (количество этажей в здании), цвет: *садик – большой, серый*; *больница – белая, одноэтажная*; *школа – большая, серая, много окон*; *магазин – большой, серый*.

Таким образом, «предметный эталон» (представление о конкретном, известном ребенку объекте) определяет появление описательных толкований эмпирического типа.

Слова тематической группы «Животные» (*собака, медведь, лев, кошка, петух, корова, тигр*) также получили в условиях эксперимента преимущественно описательные толкования, в составе которых актуализированными оказались признаки внешнего вида и особенности поведения животных (*медведь – охотники в лесу в него стреляют, он косолапый и коричневый*).

При толковании слов *врач, продавец, учитель, шофер* (названия лиц по профессии) дети в большинстве случаев использовали в качестве компонента-гиперонима слово *человек*: *врач – человек, который лечит людей*. В тех случаях, когда родовое слово не использовалось в структуре толкования, его функцию выполняли указательные место-

имения (шофер – *тот, кто подвозит нас до остановки*). Актуализированной семой во всех толкованиях оказывается функция лица, связанная с его профессией.

Все детские толкования слова *снеговик* содержат сему, отраженную внутренней формой слова (*из снега*): *слепленный из снега; из снежка сделанный*.

Для слова *машина* информанты отметили характерные внешние признаки: *колеса черные; большие, маленькие, грузовые*. Отмечается функция данного транспортного средства: *они возят людей, грузы; ездить на ней можно*.

В процессе семантизации лексем детьми 5–6 лет четко прослеживается тенденция к использованию толкований родо-видового (частично родового) и описательного типа.

Таким образом, особенности толкований значений слов дошкольниками 5–6 лет отражают: 1) опору детей на сформированные предметные эталоны; 2) способность к замене понятийного компонента местоименными эквивалентами; 3) способность к выделению функции предмета, обозначенного словом; 4) способность к выделению дифференциальных сем, позволяющих представить наглядный образ обозначаемого; 5) стремление опереться на внутреннюю форму слова при толковании мотивированных наименований (заметим, что это одна из основных стратегий усвоения слова в младшем онтогенезе); 6) привнесение в толкование операционального знания о манипуляциях с предметом, обозначенным словом.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Аверина Д. А.</i> Синтаксические средства создания современного рекламного текста.....	3
<i>Архипенкова И. С.</i> Этимология слов русского языка с корнем <i>бус-</i>	5
<i>Атрошенко О. В.</i> О принципах составления словаря русских народных хрононимов.....	8
<i>Григорьева Н. И.</i> Наименования рок-групп: тенденции создания.....	11
<i>Калинкина А. Н.</i> Номинативный признак «цвет» в народных обозначениях цветов.....	14
<i>Кощеева Т. В.</i> Категория рода как психологическая реальность детского языкового сознания (экспериментальные наблюдения)....	17
<i>Макарова А. А.</i> О проекте словаря озерной гидронимии Русского Севера.....	20
<i>Манион А. В.</i> Стилизация под заимствование в уральских эргонимах....	24
<i>Наберухина А. А.</i> Антропонимия микросоциума.....	26
<i>Нефедова М. А.</i> Вставные конструкции в публицистическом стиле речи: функциональный аспект.....	29
<i>Попова Е. В.</i> Средства выражения идеи достижения в русских пословицах: пространственный аспект.....	32
<i>Симушова О. Н.</i> Структура женских антропонимов в кунгурских актах второй половины XVII – начала XVIII вв.....	35
<i>Соломешина О. С.</i> Заимствованные слова из английского языка в конце XX века.....	37
<i>Шабалина Е. В.</i> К вопросу об аксиологических коннотациях русских числительных.....	40
<i>Шкляева Т. Ю.</i> Географические термины как основа ойконимов Соликамского района Пермского края.....	43
<i>Шмаков С. А.</i> Топонимы с корнем <i>бел-</i> в Пермском крае и других регионах России.....	46
<i>Щелканова Я. В.</i> Значение слова в сознании ребенка-дошкольника (экспериментальные наблюдения).....	48

Научное издание

СЛОВО В ТРАДИЦИОННОЙ И СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

Тезисы межвузовской конференции
молодых ученых

Екатеринбург, 11 мая 2007 г.

Редакторы *М. Э. Рут*
Л. А. Феоктистова
Компьютерная верстка *Л. А. Феоктистова*

Подписано в печать 01.04.2007. Формат 60 × 84 ¹/₁₆.
Уч.-изд. л. 3,78. Усл. печ. л. 3,02. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman.
Тираж 50 экз.

Издательство Уральского университета.
620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

Отпечатано на ризографе в ООО «Таймер КЦ»,
Екатеринбург, Сибирский тракт, 3–301